

ЮСТИС РЕЙ

Духовка
Сильвии
Тлат

КУЛЬТ

Юстис Рей
Духовка Сильвии Плат. Культ
Серия «Young Adult.
Инстахит. Это личное»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69538885
Духовка Сильвии Плат. Культ: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-190766-2

Аннотация

Продолжение романа Юстис Рей «Духовка Сильвии Плат».

Меня зовут Флоренс Вёрстайл. Мой дом – город Нью-Йорк. У меня есть диплом Гарвардской юридической школы, престижная работа, полный холодильник виски и правила: не есть цитрусовые, не одалживать томик Шекспира, держать свободное место в первом ряду во время баскетбольных матчей, ходить в церковь. Но даже с ними мир рассыпается на части.

Сид Арго больше не приходит ко мне во снах. Я живу призраками прошлого. Но мне нельзя говорить об этом. Я не могу.

Я всего лишь хочу счастья своей сестре, но она осталась в Корке – городе моих кошмаров. Теперь всем заправляет доктор Йенс Гарднер.

Он знает все. Он спасает тела и души. Он хочет создать рай на земле. Но я не верю ему. Не верю, потому что он глава культа. И он хочет сделать меня его частью.

«Захватывающее продолжение истории, которая заставила когда-то читателей полюбить и одновременно возненавидеть Корк и его обитателей.

Сложная и душераздирающая история о преодолении демонов, как внутренних, так и внешних». — Калимат, блог knizhnoye_pokhmelye

Содержание

Пролог. Шок	9
1	9
2	15
3	27
4	44
5	53
6	58
7	74
Часть 1. Отрицание	77
1	77
2	89
3	94
4	105
5	115
6	121
7	136
8	141
9	149
10	161
11	171
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Юстис Рей

Духовка Сильвии

Плат. Культ

© Рей Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Через пять месяцев после стрельбы в старшей школе Корка

Выигрыш сражения не означает победу в войне, но приближает ее. Отмена комендантского часа – важный шаг в становлении нового Корка.

Да, Флоренс, комендантский час тебя не страшил. Ничто не могло сдержатъ твой свободолюбивый нрав. Другим везло меньше. Помню, как юношей, которых видели на улице после заката, секли до крови. Мне тоже приходилось это делать, и за это ты можешь меня ненавидеть, но я не в силах изменить прошлое. Я не оставлял на их спинах живого места. В те годы я был молод и уязвим. В молитвах часто спрашивал Бога, зачем он избрал для меня путь священника,

если я только и делаю, что выполняю обязанности мясника... Свои ответы я получил.

Теперь комендантский час в прошлом, но люди не выходят после десяти. Боятся. Не могу винить их в этом.

Патрик

Через семь месяцев после стрельбы в старшей школе Корка

Я предполагал, что после случившегося в Корке настанут нелегкие времена, однако к происходящему оказался не готов. Мы продолжаем нести потери. Урон будет огромным. Вероятно, Корк уже никогда не станет прежним. «Мы ведь этого и добивались, верно?» – подумаешь ты, но нет, грядущие перемены не облегчат мою задачу.

Люди привыкли притворяться, что все в порядке. Не будь я священником, поверил бы им, но исповеди говорят об обратном: они напуганы и хотят определенности. Лгать – страшный грех, но я беру его на себя, вселяя в них надежду, а правда в том, что я не в силах дать им желаемое.

Владельцев деревообрабатывающей фабрики – сердца Корка – сильно взволновало случившееся. Они больше не верят в стабильность Корка и сокращают бюджет. Отсутствие денег и – как следствие – рабочих мест запустит эффект домино: зажиточные горожане уедут и увезут с собой

признаки современной жизни – и без того немногочисленные кафе и магазины. Все потянутся за ними. После сокращений на фабрике половина города лишится работы. Те, кому есть куда ехать, уедут. Те, кто останется, впадут в отчаяние и ужас, но им будет некуда деваться. Город окажется в особенно уязвимом положении. Если он попадет в хорошие руки, то, возможно, все наладится. Если же нет, земля окажется безлюдна и пуста. И будет тьма над бездною, и Дух Божий пронесется над водою¹ – город погрузится в хаос.

Ты, как и твоя мать, веришь, что Корк – духовка Сильвии Плат, однако должен тебя расстроить, несмотря на мои усилия, вскоре дышать здесь станет еще тяжелее. Грядут непростые времена, надвигается огромная волна, и неизвестно, когда она нас накроет, но точно накроет.

У меня на руках осталось немного козырей, но они есть. Главный из них – доверие горожан ко мне. Люди слушают, когда я отдаю приказы, и я продолжу это делать. Приложу все усилия, чтобы сдержать плотину. И вот мой первый наказ: не приезжай!

Флоренс, зная о твоей тяге к справедливости и безрассудным поступкам, я прошу тебя – что бы ни случилось! – оставайся в Кембридже, получай образование, делай добро, живи на земле и храни истину².

¹ Слегка измененный стих из Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

² Псалом, 36:3: «Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни ис-

Береги себя.

Твой Патрик

Пролог. Шок

1

Через шестнадцать месяцев после стрельбы в старшей школе Корка

Тучи сгущаются, жмутся друг к другу, затягивая и без того пасмурное небо. Мелкая морось бьет по машине. Лес, плотно обступивший дорогу, всеми оттенками зеленого проносится за окном. Однообразие ландшафта притупляет внимание, усыпляет. Зловещий вакуум – как в пустой бочке, как в духовке Сильвии Плат. Три слова, восемнадцать букв и сотни воспоминаний, которые до сих пор выжигают мозг, плавают в сознании, как трупы на поверхности гниющего залива. Корк – это место, точнее, предчувствие встречи с ним, делает меня слабее и одновременно сильнее – феномен, название которому я так и не придумала.

Год назад, собрав немногочисленные пожитки, я уехала из духовки прочь. Это было лучшим решением в моей жизни, мне хочется в это верить. В Кембридже среди студентов-сверстников, приехавших из обычных городов, я чув-

ствую себя чужой, неправильной или, наоборот, чересчур правильной. Однако я всегда все схватывала на лету и умение сливаться с толпой приобрела еще в детстве – никто не знает, что со мной что-то не так. Оказавшись в Гарвардской юридической школе, я получила возможность стать кем-то новым, но стала тенью прежней себя, и в какой-то степени меня это устраивает.

В первый год обучения, пока остальные познавали радости студенческой жизни, я делала то, что у меня получается лучше всего: училась, превосходила ожидания профессоров настолько, что, порой казалось, они ненавидели меня за это. Теперь я могу сбавить обороты, но так или иначе я мечу очень высоко и верю, что в будущем благодаря полученному образованию смогу исправить мир, сделать его немного лучше. Я обещала и обязана сдержать слово. Не зря высшие силы (мне не нравится говорить «Бог» – с ним у нас напряженные отношения) оставили меня в живых, отняв у меня Сиду Арго навсегда.

За этот год не было ни дня, когда я не думала бы о нем. Сначала это были лишь мысли вроде тех, когда я пробовала десерт с цитрусовыми, а потом отодвигала от себя, вспомнив, что у Сиды на них аллергия. Но со временем мысли перетекали в образ жизни. Я живу с *ним* и за *него*. Пытаюсь его вернуть: никогда не пропускаю баскетбольные матчи и держу рядом с собой свободное место, отмечаю день рождения двадцать второго июня и выбираю в качестве десерта клюк-

венный пирог, работаю в благотворительном центре помощи глухим и храню томик Шекспира на прикроватном столике – никому не позволяю его трогать. Никогда не перехожу на бег и читаю «Коллекционера». Раз за разом. Раз за разом. И пусть Калибан поступает плохо, я понимаю его. Если бы только я знала, как все обернется, я тоже заперла бы Сиду в подвале и никуда не выпускала. Я вобрала бы его в себя: его душу, его сердце. Стала бы им, не раздумывая ни минуты. Но мои попытки тщетны. Он мертв, а я до сих пор цепенею, видя вдалеке рыжую макушку. Все надеюсь на что-то... Пресловутые высшие силы.

Особенно сильно я скорблю о нем вечерами, когда лежу в полумраке комнаты, которую делю с соседкой. Иногда она приглашает своего парня. Я ничего не имею против них, они мне безразличны, но, когда он обнимает и целует ее, забыв о моем присутствии, я жалею, что в общежитии нет устава, запрещающего интимные связи на глазах у соседей. Я завидую – не тому, что у нее есть парень, а тому, что он жив, что они могут без опасения коснуться друг друга.

Как же я скучаю по нему.

Он приходит ко мне во снах. Мы болтаем часами обо всем на свете. Он счастлив. При жизни был не таким. Может, рад, что избавился от моего удушающего присутствия? Как бы там ни было, именно в такие минуты я ощущаю себя живой. Именно благодаря этим снам я не наложила на себя руки. Снам и учебе.

Юриспруденция – дело тонкое, а еще жутко скучное, но я знала, на что иду. Обучение дается мне нелегко, но я продолжаю прыгать выше головы. Не потому, что я обязана быть лучшей, но потому, что зубрежка помогает погрузиться в небытие – забыть о прошлом. Трудно читать кодекс по конституционному праву и труды древнегреческих мыслителей и при этом упиваться жалостью к себе и тем, как сложилась жизнь. В компании мертвых я провожу больше времени, чем в компании живых. Я тоже мертва. Вероятно, поэтому меня тянет к тому, что мертво, однако Корка не было в этом списке. До недавних пор.

Он умер, не дожив до рассвета, как и Сид. Я вижу в этом какой-то извращенный символизм. Говорят, он умер с моим именем на устах. Особых знаков в этом я не вижу – в этом я вижу опасность. Патрик был главой городского совета, священником церкви Святого Евстафия, преподобным, знавшим все законы и секреты. Моим отцом. Однако о последнем никто не знает, и я намерена сохранить тайну.

Новость о его смерти даже спустя время волнует меня с неутихающей силой, да так, что перехватывает дыхание, будто нечто невидимое сжимает горло, пока глаза не влажнеют.
Ну вот опять!

Я любила его, но признала это лишь сейчас. Целый год он писал мне письма: выверенные предложения, аккуратные буквы с завитушками, ровные строчки. После его смерти я перечитала их десятки раз, но не нашла ответов, а вопросы

были такими: за что? почему все, к кому я привязываюсь, умирают? кто проклял меня? как это прекратить? как спастись от этого?

Патрик был ужасно старомоден, поэтому отвергал звонки и сообщения – признавал только письма. Раньше казалось, что в нем говорит нереализованный писатель и мучительное одиночество. Теперь же я поняла, почему он делал это: в письмах есть душа. Мне становится немного легче, когда я притрагиваюсь к ним, чувствую запах и текстуру бумаги, когда снова и снова перечитываю, представляя, как он писал их у камина. Сгусток в оранжевом мареве. Вряд ли сообщения произвели бы такое же впечатление. Патрик был предусмотрительным, пожалуй, даже чересчур.

Я никогда не называла его отцом, а себя – его дочерью, боялась, что письма попадут в плохие руки – в Корке осмотрительность не бывает лишней, – но я жалею об этом. В английском существует множество простых слов: дорога, машина, дерево, стол, стул. «Папа» в их число не входит – оно острое, как бритва, и тяжелое, как топор. Оно убьет меня, если я произнесу его. Оно убивает меня, когда я думаю о Патрике.

Да, у нас было мало времени, но он успел стать моим... папой.

Как же я жалею, что не сказала ему об этом.

Сейчас его гроб засыпают влажной после дождя землей. Они похоронят его без меня – я узнала слишком поздно, что-

бы приехать вовремя. Может, оно и к лучшему. Я хочу запомнить его здоровым, красивым, любящим. Живым. Патрик просил, чтобы я не приезжала, держалась от Корка подальше, однако пренебречь этой возможностью я не могу – желание попрощаться с ним слишком велико.

Мне это нужно.

Думаю, ему тоже.

Церкви Святого Евстафия не знакомо такое понятие, как время, для нее оно остановилось, а может, и повернулось вспять. Бело-серое здание с витражными окнами выглядит так же, как и в день, когда я увидела его впервые, только деревянный крест на верхушке треугольной крыши будто бы стал больше. Вероятно, я сошла с ума, но, клянусь, он смотрит на меня – взгляд его далеко не дружелюбен.

Сердце церкви, каким я всегда считала Патрика, больше не бьется, но ей нет до этого дела. Она стоит как ни в чем не бывало, с вызовом спрашивая: «И что ты мне сделаешь?» В самом деле ничего.

Церковь привязывает к себе, гипнотизирует, как заклинатель кобру, желая управлять и повелевать, дергать за ниточки, как марионетку, но я не сдамся. Смотрю на нее, как на давнего соперника, с вызовом и злобой. Ветер завывает, треплет волосы, саднит кожу, забирается под ветровку и водолазку, заставляя тело покрываться мурашками, – тоже за что-то злится на меня. Редкая морось быстро превращается в полноценный дождь. Но я не двигаюсь с места. Сид ненавидел дождь.

За что мне все это?

Прохожу по дорожке, усыпанной гравием, встаю на первую ступень. Их девять – как кругов ада у Данте. Если ад

существует, на какой круг попал Патрик? На какой попаду я? Ставлю на девятый³ – не вижу смысла мелочиться.

Запах ладана бьет в нос уже в притворе. За год я забыла, что запах может ранить. На столиках по обе стороны от двери в главный зал лежат стопки с самодельными листовками. почерк уверенный, с нажимом: «Приходите послушать Доктора. В нем наше спасение!» – складываю одну из них вчетверо и прячу в карман. *Зачем?* Не знаю. Патрик писал мне о Докторе, но мало: он приехал в Корк около года назад, в то время когда многие бежали. Умение Доктора разбираться в людях помогло ему быстро завоевать доверие местных жителей. Патрик был не в силах признаться в этом, но они с Доктором негласно соперничали за власть. Теперь у него не осталось противников.

Если город попадет в хорошие руки...

В главном зале запах ударяет в нос еще сильнее. Тянет в висках, боль отдается в затылке. Тишина и мрак – здесь словно никогда не ступала нога человека. Через стекла едва пробивается свет, которого сегодня из-за туч и без того немного. В воздухе пляшут частички пыли. Расцветенные витражами сводчатые потолки слегка напоминают черты лица и будто грозно сводят брови. Душат меня, как и распятие во главе алтаря. Если я не возьму себя в руки, они раздавят меня.

Может, оно и к лучшему?

³ Девятый круг предназначен для обманувших доверившихся: предателей родных, единомышленников и родины.

Ряды скамеек похожи друг на друга, но для меня они разные. На этой скамье в последнем ряду я сидела в день похорон после стрельбы в школе Корка, мой взгляд был прикован к фотографии Сида Арго. Я помню тот день. Помню, как рыдали матери погибших и как Патрик раз за разом начинал заупокойную службу. Он говорил, что я унаследовала от него обостренное чувство справедливости, настойчивость, цвет волос и разрез глаз, но сейчас мне нужно от него лишь одно – стойкость, ведь я все еще рассыпаюсь на части, вспоминая тот день.

Третий ряд приковывает к себе невидимыми цепями – здесь я встретила Сида. Я опускаюсь на скамью, на то самое место, оборачиваюсь в глупой надежде увидеть его серо-голубые глаза. Пустота пронзает клинком. На несколько секунд я теряю способность дышать, хватаюсь за спинку скамьи перед собой, до боли сжимая ее. Дерево поскрипывает. Закрываю глаза и пытаюсь расслабиться, позволить себе вдохнуть.

Глубокий вдох.

Все это было на самом деле.

Глубокий выдох.

И я должна принять это.

Прошло так много времени, а душа до сих пор оголена, как плоть, с которой содрали кожу. Это ненормально – скорбеть так долго.

Значит ли это, что я ненормальная?

Главный зал церкви Святого Евстафия – минное поле. Я поднимаюсь и продолжаю путь. Иду медленно, не издавая ни звука, но все равно подрываюсь на минах. Когда я достигаю алтаря, от меня ничего не остается. Ошметки души. Окровавленное сознание. Раздробленные в порошок надежды. Ни капли достоинства. Я падаю на колени перед алтарем, хотя не нуждаюсь в молитве. Делаю как Патрик. Все, что мне от него сейчас нужно, – это стойкость. Когда он молился в церкви, то делал это именно тут. Именно так. Наивно полагаю, что, прикоснувшись коленями к полу, я почувствую связь с Патриком, однако ничего не происходит. С презрением поднимая глаза на распятие.

– Ты жалок.

– Тебя тоже наказали? – вопрос разносится эхом по залу.

Я оборачиваюсь. Внутри все болезненно натягивается, как струны гитары, и обрывается, когда я вижу его.

– Питер?

Прошел год, а схожесть этих серо-голубых глаз с глазами его брата все еще приносит мне боль. Строгий костюм и кипенно-белая рубашка превращают Пита в маленького мужчину, хотя он почти не изменился, только вытянулся.

Я встаю с колен, а он наблюдает за мной со снисходительным безразличием, но потом я понимаю: это не безразличие – это страх. Неужели я для него лишь воспоминание того времени, когда умер Сид? Едва ли я могу просить большего.

– Я Флоренс. Ты меня помнишь?

В его лице что-то меняется, трескается, как стекло при резком перепаде температур. Он хмурится, уставившись на носы запачканных туфель.

– За что тебя наказали?

– Я разбил стакан в доме преподобного. Не специально. Папа отправил меня сюда, сказал ничего не трогать.

– Это ведь не значит, что нам нельзя поговорить?

Он задумывается, но в итоге просто пожимает плечами. Я устраиваюсь на скамье в первом ряду. Он медлит, но все же садится рядом, немного дальше, чем я рассчитывала, но это меньше, чем от Кембриджа до Корка.

Не могу отвести от него взгляда. Сид.

Он не Сид!

Знаю, что не Сид, но становлюсь непривычно мнительной, ранимой, внушаемой, верящей в волшебство и магию. В венах этого мальчишки та же кровь, что текла по венам Сиды, и пусть они не похожи как две капли воды, но во мне тлеет глупый огонек надежды. Кажется, все поправимо. Стоит подождать, и Сид снова предстанет передо мной в инопланетном великолепии. Я прикрываю глаза на миг, прячусь под веками в попытке отогнать дурные мысли.

Пит замирает, подавленный, притихший, закрытый – раньше он не был таким.

– Не знаю, помнишь ли ты, когда-то я давала тебе визитку со своим номером, – голос звучит гулко в стенах пустой церкви.

Он мычит в ответ.

– Ты постеснялся позвонить, да? – губы невольно распливаются в улыбке.

– Нет, я собирался. – Он смотрит на меня, но тут же отводит взгляд. – Папа забрал. Говорит, звонки дорогие.

– Неправда. Джейн и Молли часто звонят мне.

Он едва слышно хмыкает.

– Отчего такой угрюмый?

Его личико слишком серое и печальное для мальчика двенадцати лет.

– Не очень хорошо переношу похороны.

– Как и все.

– Папа вроде нормально справляется.

– Где он?

– В доме преподобного, как и все.

– И твоя мама?

Оливия – единственный человек, которому было сложнее, чем мне, после смерти Сиды. При мысли о ней сердце обливается кровью.

– Нет, мама дома.

– Ей нехорошо?

– Типа того.

– Что с ней?

– Болеет.

– Чем?

Он отвечает не сразу.

– Мне нельзя об этом говорить.

– Почему?

– Папа говорит, что нельзя.

– Мне ты можешь сказать. Я не выдам. Чем она больна?

Он опять задумывается.

– Не знаю.

– Можно ее навестить?

– Вряд ли папа разрешит.

Да что происходит? Возможно, я стала чересчур подозрительной. Если бы что-то случилось, Патрик наверняка написал бы об этом.

– Ты теперь учишься в старшей школе?

– В средней.

– Да, но здание-то одно.

– Ну да.

– Знаком с мистером Прикли?

– Он ведет у нас английский и литературу.

– Повезло.

Я улыбаюсь. Вечные споры, списки литературы, задания, требующие нестандартного подхода, сочинения на свободную тему и исписанные листы – сотни исписанных листов и презрительная «В», обведенная в кружок, – лучший учитель, что у меня когда-либо был. Не забыл ли он меня, а главное – считает ли до сих пор лучшей ученицей?

– Ну не знаю.

– Почему?

– Строгий он.

– Есть такое. Но он хороший учитель.

– Постоянно заставляет нас писать сочинения и никогда не ставит отлично. Достало!

– Он хочет, чтобы вы научились думать.

– Он говорил, что у него была ученица, которая переписывала сочинение восемь раз. Не знаешь, кто это?

– Нет. – Я прикусываю губу, чтобы не выдать себя. – Даже если отец не разрешает звонить, ты можешь писать письма. Я попрошу мистера Прикли научить тебя.

– Научить?

– Отправлять письма.

– Да умею я, – бросает он, оскалившись, как дикий звереныш, – он понятия не имеет, как это делать.

– Правда?

– Я не дурак.

– Отлично.

– Я не знаю адреса.

Я выуживаю из наружного кармана листовку про Доктора, из внутреннего – ручку. Привычка носить ее с собой не раз спасала мне жизнь. Переворачиваю листовку обратной стороной и, положив на скамью, аккуратно вывожу адрес, ощущая на себе внимательный взгляд. Закончив, прячу ручку и протягиваю лист через скамью. Пит берет ее и с интересом изучает написанное.

– И о чем писать? – с подозрением спрашивает он.

– О чем угодно. О чем сам захочешь.

Он складывает лист и сует в карман брюк.

– Я не шучу, Питер. Ты можешь писать мне, если захочешь, о чем захочешь, когда захочешь. Тебе не нужно стесняться. Со мной нет нужды скромничать.

– Я не скромничаю. Директриса Тэрн говорит, что скромности нет среди моих добродетелей. Папа тоже так думает.

– Правильно. Скромность ни к чему.

– Сид был скромным.

Это замечание кулаком становится поперек горла, но я не подаю виду. Стараюсь не подавать.

– Поэтому его все любили, – говорит он. – Ты его за это любила?

Любопытные глаза ждут ответа, но я не нахожу его.

– Ну точно не за красоту, – продолжает он.

– Почему это?

Сида не назовешь красавцем в привычном понимании слова, но он был очень милым инопланетянином. Я любила его рыжие волосы и веснушки. *Я любила его...* Сейчас об этом лучше не думать.

– Это он любил тебя за красоту. Ты красивая.

Я так и цепенею от этой до странности неловкой, но произнесенной не в шутку фразы.

– Зачем ты это говоришь?

– Потому что это правда. Я пытаюсь сделать тебе комплимент.

– Комплимент.

– Ну да.

– Зачем?

Он пожимает плечами.

– Говорят, девчонки любят ушами. Дурацкое выражение.

– Но справедливое.

– Ну вот.

– Ты не обязан делать мне комплименты, но спасибо.

Он угукает в ответ, а потом, сжав край скамьи, спрашивает:

– Ты надолго?

– Нет.

– Снова уедешь?

– Да, – отвечаю я и выдыхаю. И без того полая грудь становится еще более пустой.

– Тебе там нравится?

– Там?

– Не здесь.

Я не сразу нахожусь с ответом – этот на первый взгляд будничный разговор дается мне чересчур тяжело, волной поднимая воспоминания, которые я хочу забыть.

– Я учусь.

– Я не об этом спросил.

– Да, мне там нравится.

Это не совсем так, но он слишком мал, а я слишком подавлена, чтобы вдаваться в подробности.

– Так ты говоришь, все в доме преподобного?

– Да.

– Тогда, наверное, мне нужно туда сходить.

– Зачем?

– Притвориться, что мне интересны их взрослые разговоры.

Он не отвечает.

– Что будешь делать?

– Сидеть здесь.

– Никуда не пойдешь?

– Нет. Если я буду хорошо себя вести, папа отпустит меня гулять с Ленни.

– Вы с ним еще дружите?

– Он мой лучший друг.

– И ты больше не защищаешь его кулаками?

– Нет. Стараюсь не доставлять неприятностей.

– А как же Том Милитант?

– Что с ним?

– Вы дружите?

– Иногда общаемся, но он странно себя ведет. Я ему не нравлюсь.

– Неправда. Как ты можешь не нравиться?

Он сжимает руки в кулаки.

– Что ж, у тебя есть адрес, и теперь ты можешь мне писать.

Я встаю, и он подается вперед, но тут же одергивает себя, прижимаясь к спинке скамьи.

– Ты думаешь, у меня анезия? – Серо-голубые глаза смотрят снизу вверх.

– Амнезия.

– Ну да.

– С чего ты взял?

– Ты постоянно напоминаешь об одном и том же.

– Хочу, чтобы ты запомнил.

– Я хорошо запоминаю с первого раза.

Я разворачиваюсь и устремляюсь в темноту коридора. Меня не покидает стойкое чувство, что меня уделал двенадцатилетний пацан.

Мрак церковного коридора уже не пугает: все мины взорваны, ущерб необратим – терять больше нечего. И коридор, стены которого увешаны картинами, изображающими библейские сцены, знает это. Я дергаю за ручку – кабинет Патрика закрыт. Теперь его сердце и разум тоже будут закрыты для меня. Навсегда.

Справа висят репродукции по сюжетам Ветхого Завета, среди них «Избрание семидесяти старейшин Моисеем», «Прощание Товия с отцом» и «Исцеление Товита»; слева – по сюжетам Нового Завета. «Христос в Гефсиманском саду» Куинджи была любимой картиной Патрика. Там, в Гефсиманском саду – любимом месте уединения и отдохновения, – Иисус молился об отвращении от него чаши страданий. В словах Гефсиманской молитвы содержится подтверждение того, что Христос имел божественную и человеческую волю: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет»⁴. В ней же выражается его трагическое одиночество. Патрик признавался, что эта картина пугала его, но в то же время дарила упокоение. Раньше я не понимала почему – сейчас понимаю.

Покидаю церковь через черный ход. Именно так утром и

⁴ От Луки, 22:42.

вечером это делал Патрик. Миную темную аллею, скрытую от глаз раскидистыми деревьями, защищающими от солнца и дождя, где мы проводили с ним не один час в разговорах и молчании. Передо мной открывается двухэтажный коттедж в готическом стиле – последнее пристанище Патрика. В прошлом этот мрачноватый дом с остроконечной крышей и всегда закрытыми шторами навевал благоговейный ужас, но жизнь научила, что внешность обманчива, – я нередко находила в нем покой. Патрик говорил, что его дом – и мой тоже, но я никогда не чувствовала этого. Я нигде не чувствую себя как дома.

Я переминаюсь с ноги на ногу у входа, прежде чем решаюсь постучать, однако дверь оказывается открытой. Во мне поднимается волна злости и негодования – дом изнемогает от чужаков. Я презираю их. Я презираю их всех. При Патрике этот дом был пещерой, таинственным лесом, убежищем, отгороженным от мира, волшебной шкатулкой, спрятавшись в которой можно перевести дух и собраться с силами. Теперь он стал городской площадью, фермерским рынком, главным залом церкви Святого Евстафия и ломится от людей, которые касаются ручек на дверях, сидят на его стульях, пьют из его стаканов и едят из его тарелок – стирают все, что у нас было: блестящие буквы на корешках книг в высоких шкафах, вечерний ветерок, колышущий занавески, наши тени, дрожащие на стенах, холодный чай в фарфоровых кружках, его четкий профиль в оранжевом мареве гостиной – про-

шное, которое никогда не вернуть, которое ускользает от меня, как ускользает лицо Сиды Арго, – они осквернили единственную святыню, что у меня осталась.

Горожане заполонили дом: переговариваются, снуют, пьют, едят. Радости на их лицах нет, но и особой печали тоже. Патрик смотрит на всех с фотографии в черной раме, висящей над столом с закусками (не думаю, что он хотел стать одной из библейских картин). Его прекрасные изумрудные глаза полны мудрости и понимания, выражение лица спокойное и умиротворенное: он знает нечто такое, что навсегда унесет с собой в могилу, – у нас было слишком мало времени.

Кроме цвета волос и разреза глаз, мне не досталось ничего от аристократичной завораживающей красоты отца – лишь его проклятия. Патрик оставил нас с матерью ради этого города, оставил нас, чтобы спасти его. Только горожане об этом не знают и не в силах по достоинству оценить его жертву.

Лица присутствующих так или иначе мне знакомы, однако некоторые знакомее остальных. Прикли отрастил бороду, из-за нее выглядит другим человеком, но я сразу узнаю его по отстраненно усталому выражению пронзительных карих глаз – глаза из другого мира, я тоже в нем была – они погубят его. Его что-то гложет, но не смерть Патрика. Потускневший, черно-белый, как персонаж старого фильма, меланхоличный, как герой картины, что навеки идет в темноту, вжав шею в плечи. В темно-каштановых волосах без труда про-

сматривается седина. Жаль, что он их остриг. Длинные волосы придавали ему бунтарский вид, а ведь таким он и был – бунтарем. Корк убивает яркие признаки индивидуальности. Да, я могла бы тайно увлечься им, будь он моложе.

Уголки рта сами по себе поднимаются, когда взгляд ловит его в толпе. Прикли же остается серьезен – лицо ничего не выражает. Несколько минут он делает вид, что слушает разговор мистера Супайна, учителя химии, и мистера Сона, школьного психолога, с которыми у него нет ничего общего, а после откланивается и подходит к столу с закусками. Ядвигаюсь туда же.

В креслах – тех самых, в которых мы прошлым летом сидели с Патриком, устроились мистер Рэм и его супруга – родители Кевина – и о чем-то спорят, но слишком тихо, чтобы это можно было назвать серьезной ссорой. Интересно, как поживает Кевин? Надеюсь, он еще играет в баскетбол и случившееся в школе Корка стало для него лишь воспоминанием. Для меня не стало.

Мне нравилось бывать в этой гостиной и, устроившись в кресле, обитом гобеленом, слушать Патрика и смотреть на его профиль в тусклом свете свечи. Мне нравилось, что он красив, умен и мудр. Это заставляло поверить в то, что и я тоже. Больше этого не повторится. К глазам подкатывают слезы, к горлу – кислый комок, и вся еда на столе смешивается в пятно неопределенного цвета, фотография Патрика – тоже.

Прикли берет кувшин с малиновой жидкостью и наливает ее в стакан. Я хватаю что-то с первой попавшейся тарелки, этим чем-то оказывается кусок сыра – ненавижу сыр! – но нехотя жую его, не решаясь взглянуть на Прикли.

– Я просчитался, – признается он ровным бесцветным голосом, – верил, что моя бывшая лучшая ученица умеет читать.

Во рту неприятно горчит от сыра, но это хорошо – отвлекает от воспоминаний.

– Ты получала его письма? – Прикли ставит кувшин на место.

– Да. – Беру дольку яблока. – И, если хотите знать, читала каждое из них не единожды.

– Тогда почему ты здесь? – спрашивает он в холодном гневе, повернувшись ко мне. Давно его глаза не были так близко к моим.

– Если вы спрашиваете, то нет смысла объяснять.

– Я все знаю.

Это удивляет, но не страшит. Я доверяю ему, когда-нибудь это погубит меня.

– Он говорил вам?

– Не забывай, я был лучшим другом твоей матери.

– Она говорила вам?

– Нет, Флоренс, но я же не идиот.

Я выдыхаю, кладу обветрившуюся по краям дольку яблока в рот и долго молчу, пережевывая ее, – от кислоты ноют

десны, но я не морщусь. Своеобразная игра, в которую я играю последние годы, тренируя мимику, чтобы не выдавать эмоций и чувств. Я стала в ней так хороша, что сама не понимаю собственные эмоции и чувства. За пределами Корка я просто существую, здесь же я беспокойным духом ношусь по обломкам воспоминаний. Запускаю в рот еще одну болезненно кислую дольку.

– Где мисс Блейк? – интересуюсь я.

Когда я уехала, они с Прикли начали встречаться – я так думала. Во мне теплилась надежда, что у них все получится, потому что хотелось, чтобы Прикли не было так одиноко, как Патрику, чтобы он был счастлив.

– Давай выйдем, – предлагает он и, не дожидаясь ответа, выходит в коридор. Я следую за ним, робко уставившись на носки туфель.

Прикли хватается за ручку двери, рывком тянет на себя и пропускает меня вперед. Закрыв дверь, прижимается к ней спиной. Я прохожу в глубь террасы, вжимая шею в плечи от холода и мороси, опираюсь бедрами о перила и прячу руки в карманы. Воцаряется пугающе напряженная тишина, которая между нами с Прикли давно не повисала. (Запах лекарств и мочи, духота, смятые одеяла на потертых диванах, фигуры на доске, право первого хода принадлежит ему – белые на его стороне, но черные выигрывают. Когда-то я была способна выигрывать.)

– Согласно правилу номер двадцать шесть пункт два: учи-

тель не может оставаться наедине с учеником вне школы, – припоминаю я в попытке разрядить обстановку – острóта выходит довольно тухлой.

– Ты больше не моя ученица, а я не твой учитель. К тому же вскоре Устав со всеми правилами может вылететь в трубу, и это далеко не то событие, которого мы ждали.

– Кто придет на смену Патрику?

– Пока что это меньшая из забот.

– Что тут вообще творится?

Миссис Арго заперта в четырех стенах, и Питеру запрещено говорить о ее состоянии. Церковь Святого Евстафия заполнили листовки о Докторе, и никто не способен ему противостоять – город теперь без преподобного. Вывеска «У Барри» исчезла. Двери магазинов и кафе закрыты. Прошел год, и в делах Корка я знатно отстала. Патрик скрывал от меня все – хотел удержать подальше от города.

– Неправильный вопрос, мисс Вёрстайл, – по-учительски отзывается он.

– Как долго это происходит?

Он прищелкивает языком.

– И снова неверно, Флоренс. Мне казалось, я научил тебя задавать правильные вопросы.

– У меня нет времени на ребусы. Я приехала, чтобы попрощаться с Патриком и... своими воспоминаниями.

Прикли устремляет взгляд вдаль, в нем в одночасье что-то вспыхивает и сразу затухает. Это разочарование. Во мне? Он

посвятил этому городу всего себя, продолжает вести борьбу, которая чуть не свела меня с ума, постоянно варится в этом котле, но не в силах его покинуть, а я сваливаюсь на него как снег на голову и говорю, что вскоре покину Корк, что меня это все не интересует. Я бы тоже злилась. Однако Прикли неправ: судьба Корка волнует меня – порой даже больше, чем мне хотелось бы, это проклятие города.

– Кто это делает? – спрашиваю я, напрягшись: русская рулетка. Неправильный ответ – и я получу пулю в висок.

Уголки рта Прикли заметно поднимаются, рука взмывает в воздух, и указательный палец победно тычет на меня.

– А вот это правильный вопрос!

Он подходит ближе и опирается на ограждение террасы, многозначительно затихает, как любил делать в классе, ожидая правильного ответа. (Скрипучие парты, лучи, пробивающиеся сквозь свинцовые облака, доска, исписанная его крупным понятным почерком: «Сочинение по «Гамлету», не менее пяти страниц», оценки, обведенные в кружок.) Я ловлю себя на мысли, что не могу отвести от него взгляда – мужественный профиль, длинные ресницы, нос с горбинкой – мечтаю, чтобы он был моим отцом. Я хотела бы быть такой же, как Прикли – стойкой, мудрой, настоящей. Я хотела бы...

– Доктор, – слово разрезает влажный воздух, точно нож плотно набитый мешок. По телу пробегает дрожь. Кто знает, что из него посыплется.

– А имя у доктора есть?

– Йенс. Йенс Гарднер.

– Йенс? Все чудесатее и чудесатее.

– Не то слово. А знаешь его значение?

Я качаю головой.

– И чему вас только учат в этих ваших гарвардах? – по-стариковски бурчит он.

Я картинно строю недовольную гримасу.

– Бог добр, – в его голосе слышится злорадное удовлетворение, будто он разгадал многовековую тайну.

– Да ну?

– Ну да.

– Это настоящее имя?

– Не знаю.

– Сколько ему?

– Чуть старше меня.

– Женат?

– Да.

– Дети?

– Нет, – отрезает он и менее уверенно добавляет: – Насколько мне известно.

– Он американец?

– Норвежец.

– Почему переехал?

Прикли пожимает плечами, облизывая сухие губы.

– Я научил тебя задавать правильные вопросы, а вот себя – получать правильные ответы пока не могу.

– Так он что, новый Реднер?

Реднер теперь не просто юноша, совершивший массовое убийство в старшей школе Корка. Реднер – синоним трудности, опасности, неминуемой беды, слово, пополнившее словарь диалектизмов Корка.

Прикли поворачивается спиной к дому, опираясь ладонями на перила. Внимательный и обеспокоенный взгляд бежит по деревьям вдали.

– Реднер, – вторит он эхом, – Реднер был взбалмошным юнцом с манией величия и непомерным эго. Доктор – нечто иное.

– Что он делает?

– Приносит пользу.

Мое лицо немеет, а потом брови в недоумении сдвигаются к переносице. Я ждала чего угодно: ритуальных убийств, расчленения младенцев, продажи человеческих органов, но...

– Что?

– Он же доктор, принимает пациентов на дому – ведет практику. Бесплатно. У него есть деньги. Много денег. Он выкупил землю возле Корка и вкладывает немалые суммы в поддержание церкви Святого Евстафия в первоизданном виде. После массовых сокращений на фабрике он пообещал, что те, кто останется, смогут работать на ферме, которую он планирует создать. Он хочет разводить скот, засеять плодородные земли и собирать урожай – не зависеть от внешнего мира.

– И это плохо, потому что...

– ...ему что-то нужно.

– Почему вы так думаете?

– Всем в этом мире что-то нужно.

– Он хочет упразднить Устав?

– Этого я не знаю. – Прикли медленно раскачивается, не отрывая рук от перил, и дерево поскрипывает от его движений. Когда он останавливается и поднимает взгляд, меня словно пронзает чем-то острым. – Думаю, он хочет создать свой.

От этого заявления холодеют и немеют пальцы на руках и ногах. Я разминаю онемевшие руки в карманах – сжимаю-разжимаю-сжимаю-разжимаю – пытаюсь вернуть кровообращение в норму. Поджимаю и пальцы на ногах.

– Ну нет, – я невольно качаю головой, – нельзя так просто разбрасываться такими обвинениями. У вас есть причины так думать?

– Исключительно мое шестое чувство.

Я принимаю его за параноика, так он думает. И в какой-то степени он прав, но я не виню его. После отъезда из Корка я полгода не покупала ни одной вещи, которая не соответствовала палитре из шести цветов, всегда смотрела на часы и в ужасе спешила в общежитие, если стрелка клонилась к десяти вечера, вздрагивала, когда кто-то случайно касался меня на улице – ждала, что придет письмо с приглашением на религиозное собрание, где меня колотили бы, пока лицо не

превратилось бы в кровавое месиво. Я знаю слишком много и помню все очень живо – он знает в тысячу раз больше. У меня нет причин ему не верить.

– Нил... – я впервые называю его по имени, отчего он вздрагивает, лишая меня на некоторое время дара речи. – Мистер Прикли...

– Нет, лучше уж Нил, – безрадостно поправляет он.

– Где мисс Блейк?

– Уехала, – в этом слове, точнее, в том, как он его произносит, чувствуется болезненный надрыв.

– Куда?

– Сказала, что в Филадельфию, но мы не общались с тех пор, так что сейчас она может быть где угодно.

– Но почему? Вы же нравились друг другу.

Щеки вспыхивают, но я не отступлюсь, потому что он не просто мой учитель – он мой друг.

– Я не мог дать ей того, что она хотела.

– Чего же она хотела?

– Многого. Прежде всего любви. Но встреча с ней помогла понять, что я не способен впустить другую женщину ни в свой дом, ни в свое сердце. Я слишком давно живу один, хотя это обстоятельство не было решающим. Она хотела ребенка, но его я тоже не мог ей дать.

Мой рот остается открытым так долго, что в него успел бы заехать товарняк.

– Я думал, что бесплодие – мое проклятие, но со временем

понял, что это дар. В Корке довольно опасно иметь потомство.

– Мне жаль.

В этом весь мистер Прикли: пытается найти плюсы, скрыться за остроумием, но глубоко внутри это приносит ему боль.

– Когда я узнал об этом, то понял, что должен остаться в Корке. Думал, раз у меня не будет детей, я попробую проявить себя в чем-то ином.

– В борьбе с системой?

Он кривится.

– Это громко сказано, но... да. К несчастью, после смерти жены мой пыл заметно поубавился.

Я обращаю внимание на обручальное кольцо на его пальце – все еще носит его. После стольких лет? Носил ли он его, когда встречался с Блейк? Надеюсь, у него хватило ума этого не делать, иначе неудивительно, что она сбежала сверкая пятками.

Он ловит мой взгляд и уязвленно прячет руки в карманы. Я прочищаю горло.

– А знаете, – я позволяю себе смешок, – вы подходите на роль преподобного намного больше, чем Патрик.

– Это почему?

– Я много думала об этом... Священники – вечные сыновья. Они не имеют права становиться отцами, поэтому не взрослеют. Они обязаны соблюдать воздержание, быть сыно-

вьями Божьими, не смея занять его место. Мы оба знаем, что Патрику это не удалось.

– Я тоже не соблюдаю воздержание, если на то пошло. По крайней мере не специально.

Я одариваю его удивленным взглядом, и только тогда до него доходит смысл сказанного – мы оба прыскаем от смеха, но быстро унимаемся. Знаем, что Корк не выносит радости и тут же карает за малейшее ее проявление.

Патрик мог иметь детей, но не хотел. Нил хочет, но не может. Судьба та еще стерва. Я и раньше это знала, ведь ко мне она редко бывает благосклонной. Если что-то плохое может случиться, то не стоит сомневаться: это случится. Внезапно разразившийся ливень, убийственная мигрень, машина из-за угла – все это я уже проходила, что выработало во мне привычку обдумывать происходящее, прислушиваться к шестому чувству и планировать наперед, чтобы никто и ничто не могло сбить с курса. И пусть это требует тяжких умственных усилий и моральных затрат, но планирование и умение слышать себя – прекрасные навыки, которые помогают не терять рассудок и быть готовой к чему угодно.

Итак, Нил считает, что доктор Гарднер опасен, хотя он не совершает ничего противозаконного. Возможно, он ошибается. Но сколько раз он ошибался до этого? Вот именно – ни разу. Чутье Прикли развито куда лучше, чем мое.

– Я вам верю, – спустя долгие минуты говорю я.

– Это не имеет никакого значения.

– Почему?

– Потому что ты уедешь. Может, мое мнение для тебя не важно, но знай, я хочу, чтобы ты уехала.

Я выпрямляюсь как струна. Я не хотела оставаться в Корке и до сих пор не хочу, но к сердцу якорем привязан долг. Долг, который когда-то повесил на себя Патрик: освободить это место. Если я ничего не сделаю, детство и жизнь Молли будут обречены.

– Я могу помочь.

– Можешь, но не станешь. – Его глаза гневно сверкают.

– Я должна.

– Флоренс, не вынуждай меня становиться противным учителем.

– Я уже не ребенок!

– Тебе не место в этом городе. Не твоим способностям и амбициям.

– А вам в нем место?

– Я сделал свой выбор, ты сделала свой – так следуй ему.

– Вы мне не указ!

– Твой отец хотел, чтобы ты уехала.

– Он мне тоже не указ!

– Этого хотел Сид!

Опомнившись, он отводит взгляд. Его лицо заливают краской.

К глазам подступают слезы, задерживаю дыхание в попытке сдержать их, а после громко выдыхаю. Нет, я не буду пла-

кать. Не при свидетелях.

– Прости, – едва слышно произносит он, указательным пальцем подвигая очки выше на переносицу.

– Моя помощь вам не нужна, – твердым голосом заключаю я, – как мои способности и амбиции. Тогда чего вы хотите?

– Чтобы ты уехала и жила нормальной жизнью.

– Как благородно.

– Наверное, зря я на тебя это взвалил. Может быть, у меня просто разыгралось воображение. Последнее время мне не с кем поделиться. С тех пор как Патрик слег, я толком ни с кем не говорил, кроме шахматных фигур, но они никудышные собеседники.

– Говорят, он сгорел за два дня.

– Так и было.

– Почему его не отвезли в больницу?

– О нем заботился Доктор.

– И вы говорите мне об этом только сейчас?

– Он не убивал его, если ты об этом. В те дни около Патрика находилось слишком много народу – его навещал весь город. Йенс не стал бы так рисковать. Он ничего не делал.

– Может, в этом и есть его вина?

– Я стараюсь об этом не думать.

– Но думали?

– Флоренс, – выдыхает он, – это больше не твоя борьба.

– Чья же?

– Когда долго вглядываешься в лицо зла...

– ...зло начинает вглядываться в тебя в ответ. Я помню.

– Тогда ты знаешь, что делать.

Карие глаза чернеют, как зеркальная гладь ночного озера – я тону в ней, до боли прикусывая нижнюю губу, чтобы почувствовать вкус крови, а не окутывающий едким туманом страх. Что бы я ни сказала, он будет стоять на своем. Он пообещал Патрику, что позаботится обо мне, точнее, о моем отъезде, если я решу вернуться. Я вижу это по глазам. Они погубят его.

– Хорошо, мистер Прикли, я услышала. – Мы будто на уроке литературы и английского, а он все еще мой учитель, и я собираюсь сдать восьмое сочинение по «Гамлету».

– Какую часть нашего разговора, мисс Вёрстайл?

– Я уеду, Нил, – уже обычным тоном обещаю я, – но перед этим сделай мне одолжение.

Он вопросительно вскидывает брови.

– Научи Питера Арго отправлять письма.

Очертания кладбища видны из западных окон Патрика. Интересно, часто ли он смотрел на него?

Здесь захоронены все, кто когда-либо проживал в городе, – мертвых в Корке больше, чем живых. В одной из могил покоится мой дед Уильям Мэйрон – бывший глава городского совета, перекрасивший крышу дома в фиолетовый цвет. Здесь же под толщей земли спят вечным сном ученики школы Корка, семнадцатилетние ребята, так и не начавшие жить. Несмотря на размеры кладбища, места Реднеру на нем не нашлось. Его похоронили в лесу без почестей и громких проводов. *Как сорвавшегося с цепи пса.* Заслужил ли он это? Пожалуй. Была ли я зла на него за смерть Сида? Еще как. Но виновен ли он в том, какую шутку с ним сыграл его разум? Я долго думала над этим и решила, что нет. Я должна ненавидеть его и ненавижу, но он не сам пришел к этому – таким его сделал Корк. Он всех нас сделал грубее, злее, подозрительнее, жестче – всех, кроме Сида Арго.

Надгробие на могиле Сида ничем не отличается от сотни других, уходящих вдаль, как ряд солдат перед боем, который никогда не начнется. Да, оно ничем не отличается от остальных, но не для меня.

Я опускаюсь на колени. Молчу в благоговейном трепете перед *ним*. Я пролила много слез, сидя возле этого надгробия.

бия год назад, но до сих пор его имя, выбитое на мертвом камне, волной поднимает во мне чувства, которые я не способна описать. Внутри все разрастается и ширится с каждой секундой. Давит, теснит грудь. Не могу дышать, не могу плакать, не могу говорить – мне не избавиться от этого. Я буду скорбеть, пока живу.

Рука сжимает надгробие, пытаюсь удовлетворить желание прикоснуться к *нему*, однако камень холодный и влажный, а Сид был теплым, солнечным и легким – как песок на пляже, который продолжает ускользать сквозь пальцы. У меня не осталось фотографий, поэтому, сколько бы я ни думала о нем, воспоминания медленно исчезают из памяти. Его черты тускнеют и расплываются, как рисунок, смытый волной. Я боюсь этого: забыть его, пусть воспоминания и причиняют боль.

Могилу Патрика нахожу сразу – земля еще свежая. Он там, под толщей земли, уснул, чтобы никогда не проснуться. Цветы, которые горожане принесли, прощаясь с ним, завянут так же, как и он. Его ум, мудрость и красота сгниют там, внизу. «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»⁵. Как бы мне хотелось, чтобы это было правдой. Покинув Корк, в надежде приблизиться к Сиду я изучала Священное Писание, ходила в церковь, преклоняла колени, пытаюсь притворяться той, кем не являюсь, но это отдаляло меня от него и от себя. С тех пор я уяснила окончательно: нет ника-

⁵ От Луки, 23:43.

кого рая и никакого Бога. Жертвы Патрика погибли вместе с ним. Неоцененная добродетель.

– Я без цветов. Надеюсь, ты простишь меня за это.

Морось не утихает, словно пытается сказать то, что он уже не может.

– Ты просил не возвращаться. Но как я могла? Ты же... ты был слишком умен, чтобы уйти вот так. Ты был слишком умен, поэтому не рассказал мне о Докторе? Боялся, что я примчусь обратно?

«Я люблю тебя» – три слова, десять букв, но я не могу их произнести. Не вслух. Он знает почему.

– Мисс Вёрстайл.

Этот низкий и сипловатый голос говорит многое о своем хозяине. Это зрелый мужчина, стройный и очень высокий, намного выше, чем я. Стылый. Серый. Да, он ощущается темно-серым пятном, нависающим надо мной, и, если я не обернусь, он накроет и проглотит, как песчаный вихрь.

Я поворачиваюсь и нахожу его глаза, на миг опасаясь, что застыну камнем, как от взгляда Медузы горгоны. «Приходите послушать Доктора. В нем наше спасение». Знаю, что это он – не разумом, но чем-то неведомым внутри, что дрожит под жутковато неподвижным взглядом рептилии. Волосы Доктора вымокли под дождем, они темные, но в них заметно проглядывает седина – пряди тонкими росчерками спускаются на вытянутое лицо.

Корка льда трескается. Тело кидает в жар, когда я пред-

ставляю, что именно он увидел и услышал. Лучше не думать об этом, иначе его глаза заберутся в мой мозг. Его глаза и то, что за ними. Это погубит меня.

– Мистер Гарднер.

– Значит, мы знакомы. – Его тонкие губы становятся еще тоньше, когда рот трогает улыбка. Он протягивает мне руку, я встаю с колен и пожимаю ее, сухую и холодную.

– Как давно вы приехали? – спрашивает Гарднер.

– Около часа назад.

– И уже заочно познакомились со мной? – Он закладывает руки за спину.

Говорят, люди прячут камень за пазухой или нож за спиной, но ему они не понадобятся. Он из тех, кто задушит голыми руками, а после выпьет чая. Я видела таких на записях из залов суда – чаще не на скамье подсудимых.

– С таким отточенным навыком выпытывания информации вы могли бы стать отличным журналистом.

– Или детективом.

Я поворачиваюсь к могиле Патрика, Гарднер становится рядом со мной.

– Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам⁶.

– Верите, он повторит судьбу Иисуса?

– Верю, что он тоже воскреснет. В лучшем месте.

⁶ От Марка, глава 16 (стихи 6–7).

Его болотные глаза скользят по строчкам на табличке, воткнутой в землю, – надгробия пока нет: «С Богом на земле и с Богом на небесах. Преподобный Патрик, глава церкви Святого Евстафия».

– Он выбрал ее сам? – спрашиваю я.

– Эпитафию? Нет. Мы не ожидали такой скоропостижной кончины – все наспех.

– Вы лечили его, верно?

– Да.

– Это легко... быть врачом и знать, что люди будут умирать, что бы вы ни делали?

– Нет.

– Не угнетает?

– Нет. Это может угнетать только в том случае, когда смерть воспринимается как зло. Я же воспринимаю ее как благо.

Нил прав, Доктор не Реднер. Реднер пылал и горел изнутри, а Доктор... холодный и далекий. Мертвый, словно недавно вылез из могилы. Вечная мерзлота.

– Что вам нужно? – спрашиваю я.

– Мне?

Я киваю. Мы можем говорить загадками и обмениваться цитатами из Заветов до скончания веков, но у меня нет на это времени.

– Полагаю, это неверный вопрос. Важнее, что нужно Корку.

– Что же ему нужно?

– Изменения.

– Разве?

– Вы жили в доме с фиолетовой крышей, не так ли, мисс Вёрстайл?

Я не отвечаю – ему это и без того известно.

– Вы жили в Корке и знаете, что здесь есть свои трудности.

– Не хватит пальцев обеих рук, чтобы их сосчитать.

– Я тоже это вижу. И хочу, чтобы вы знали, я не враг ни этому городу, ни вашей семье.

– Разве вам не все равно, что я о вас думаю?

– О нет, конечно, нет. Вы уедете, однако ваша семья останется – не переживайте об их благе.

– Как благородно, мистер Гарднер.

– Пускай это прозвучит нескромно, но да, я благородный человек. Я искренне забочусь о тех, кто мне дорог, – Корк мне дорог. Вы слеплены из того же теста и когда-нибудь вернетесь, чтобы присоединиться к нам.

По телу пробегает холодок от того, с какой уверенностью он это говорит, от того, как его стеклянные глаза смотрят на меня, – в них ничего не разглядеть – чернота пропасти.

– Присоединиться к чему?

– К раю. Я сделаю это место раем на земле. Никто не будет жить в страхе и отворачиваться от горя других. Мы будем работать сообща и станем семьей.

– Почему же люди бегут из города, если все так, как вы

говорите?

– Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию⁷... Черти бегут из рая.

– Чего вы хотите?

– Создать общество людей, любящих друг друга и Бога.

И поверьте, когда это случится, дети не станут врываться в школу с ружьем.

– Он не был ребенком.

– Что?

– Брэндон... не был ребенком.

– Вы его знали?

– Да.

– Вы были там в тот день?

– Нет.

– Господь любит вас.

– Он здесь ни при чем.

– Я приехал сюда, узнав об этом чудовищном происшествии. В то время мы с женой искали место, где можно спастись от нечестивости внешнего мира. Мы жили в Филадельфии.

– Говорят, вы норвежец.

– Мы давно уехали из Осло.

– И что, вы спаслись в Корке? Не лучшее место для поиска покоя.

– Как вам, вероятно, известно, я богатый человек – деньги

⁷ От Луки, 10:18.

творят чудеса.

– А я думала, Бог.

Он усмехается, как родитель, услышав нелепую шутку ребенка. Его лицо меняется, становится невероятно красивым: «печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты»⁸.

– Деньги помогут мне воплотить планы, которые изменят Корк к лучшему. Я делаю это не ради денег, не так, как делали бывшие владельцы фабрики. Я сделаю Корк таким, каким мне и горожанам хочется его видеть.

– Каким же?

– Местом, свободным от алчности и наживы. Ферма, скот, засеянные поля – места работы для тех, кто останется, и источник пищи, которую получают все, кто будет работать.

– Вы не будете им платить?

– Буду. Но не деньгами. Мы станем семьей. Вы ведь не назначаете жалованье членам своей семьи за готовку обедов.

Джейн давно не готовит мне обедов, а Молли ничего не рисует.

– Пока весь мир идет вперед, вы пойдете назад.

– А кто сказал, что он идет в верном направлении? – Он склоняет голову набок и становится похожим на хищную птицу. – Учитывая образование, которое вы получаете, мисс Вёрстайл, вам как никому известно: мир погряз в алчности, зависти и наживе.

– Люди знают о ваших намерениях?

⁸ Иезекииль, 28:12.

– Это не мои намерения. Не Моя воля, но Твоя да будет⁹. – Он возносит глаза к небу, а потом переводит взгляд на меня. – Я никого ни к чему не принуждаю и говорю открыто и честно о том, что вижу. Люди соглашаются со мной. С Ним. И те, кто верит, останутся и создадут общину, живущую по законам Господа.

– Так вот что вы хотите – создать общину.

– Вам не нравится это слово?

– Вы упраздните Устав?

Его рот расплывается в улыбке.

– Кто знает, что будет дальше, мисс Вёрстайл? Пути Господни неисповедимы. Вам это известно так же, как было известно Патрику.

– Он жил здесь всю жизнь, но не имел решающего голоса. Почему вы думаете, что у вас получится?

– Патрик был очень хорошим человеком, но мягким. Я никогда не был мягким. Я хирург, мисс Вёрстайл. Я умею удалять опухоли, и, если Господу будет угодно, опухоль Корка я тоже удалю.

⁹ От Луки, 22:42.

Садясь в машину, я потираю руки в попытке согреться. Мне не холодно, но меня трясет, знобит, как при болезни, лоб покрывается липкой пленкой, во рту горчит. Окна и потолок салона то сужаются, то расширяются – в такт моего колотящегося сердца. *Я умею удалять опухоли, я умею удалять опухоли...* Я готова биться о руль головой, лишь бы наконец-то заплакать, избавиться от сбруи, которую сама на себя надела, но это не поможет – никогда не помогает. Долго сижу, сжав руль, смотря в блеклую серость за окном – она затягивает, и я ловлю себя на мысли сдаться, уйти, все закончить. Небытие.

По тропинке от церкви в туманном мареве идут двое: юноша и девушка. Его рыжие волосы блестят даже в пасмурную погоду, ее – развеваются на ветру. *Сид!* Я выбираюсь из салона, но они исчезают, рассеиваются в тумане, как погасшее пламя свечи. К горлу подкатывает тошнота, и меня выворачивает на дорожку – к счастью, я почти ничего не ела (залила в себя дешевый кофе и треть заветрившегося пончика в придорожном кафе). С минуту спазмы продолжаются вхолостую.

Я возвращаюсь в машину, завожу мотор, и легкая вибрация двигателя пробегает по телу, приводя меня в чувство. Корк – город-призрак, город, полный воспоминаний, я утону

в них, задохнусь под обломками, если не выберусь вовремя. Удаляясь от церкви, ощущаю облегчение и тяжесть. Связь с Сидом Арго ускользает, как бы я ни хваталась – *это так несправедливо* – она нужна мне, но она убивает меня. Я часто вижу его во снах, но он приходит все реже – реже, чем прежде. Боюсь, когда-нибудь он будет так увлечен работой в своем цирке, что забудет обо мне навсегда.

Я не могу жить без Сиды Арго, но Корк может. Так же, как без Патрика, державшего город на плечах более двадцати лет. Не зря я говорила, что Корк мертв, и мертв давно – он ни по кому не скорбит, не льет слезы. Однако теперь он мертвее, чем был ранее: тускнеет, смердит, плесневеет. Вскоре, когда его внутренности обглодают насекомые, от него ничего не останется: исчезнут кафе и магазины, дворы и дома опустеют. «Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам». Воскрес? Но кто знает, во что он превратился?

Проехав призрачные пустые улицы, за которыми следят потрепанные временем дома, я глушу мотор возле дома семьи Арго. Дом, где всегда пахло свежеприготовленной едой, где мне так нравилось гостить. Раньше он бился, словно сердце, в нем было тепло, а теперь он не отличается от остальных.

Мне требуется несколько минут, чтобы выбраться из автомобиля: восстанавливаю дыхание, наскоро жую жвачку,

причесываюсь пятерней. Иду по тропинке, по которой когда-то ходил Сид Арго. Если бы только я могла повернуть все вспять. Если бы только...

Поднимаюсь на крыльцо и стучу в дверь. Тишина. Стучу настойчивее, дергаю за ручку. Я должна попасть внутрь, даже если это убьет меня. Самым бесцеремонным образом заглядываю в окна гостиной и кухни, пытаюсь их открыть – не выходит. Когда-то за этим столом мы с Оливией пили чай и молчали, понимая друг друга без слов. Мне хотелось бы сидеть с ней так снова, говоря о том, какой хорошей матерью она была. И есть. Огибаю дом в поиске возможных входов, но двери заперты, окна закрыты и плотно зашторены.

– Ты не похожа на вора.

Я оборачиваюсь и встречаюсь с круглыми глазами мальчишки, ровесника Пита, сидящего на камне на заднем дворе.

– Потому что я не он. – Делаю шаг ему навстречу. – Как тебя зовут?

– Леонард Брэдсон. Но друзья зовут меня Ленни.

Я роюсь в закутках памяти в попытке вспомнить, что знаю о нем.

– Так это из-за тебя Питу поставили фингал пару лет назад?

Он опускает глаза, почесывая светлый затылок.

– Мне его тоже поставили, – признается он, отчего розовеет до кончиков ушей. – Так это ты...

– Смотря какая «ты» тебе нужна.

– Пит иногда говорит о тебе. И о своем брате. Он скучает по нему.

– Как и я. – Проглатываю очередной ком. – Почему ты тут?

– Мы с Питом договорились встретиться, а дома никого нет.

– Питер на поминках с мистером Арго.

– Да, но он уже должен был вернуться. – Он смотрит на часы, туго обхватившие запястье, и деловито выдает: – Мне нужно возвращаться.

Я невольно усмехаюсь, он словно играет в важного человека.

– Лето. Куда спешить?

– Пока отца нет, я должен заботиться о бабушке. Она позволила мне уйти всего на час.

– Что с ней?

– Старость.

В этот миг он взрослеет лет на тридцать и, кажется, знает все на свете.

– Когда ты успел стать таким умным?

– Всегда был. Бабушка говорит, что именно поэтому меня не любят в школе.

– Твоя бабушка права. А как же секция по боксу?

– Бросил. Насилие мне не по душе.

Он сползает с камня, достает из кармана мелок, закрученный в бумажку, и рисует крестик – это знак для Питера. Ка-

кая занятная система.

– Ты пыталась влезть в дом? – спрашивает Ленни, когда мы покидаем двор Арго.

– Я искала одного человека... Оливию, мать Пита. Не знаешь, где она?

– Я давно ее не видел. Она редко выходит.

– Почему?

– Не знаю, – говорит он и заливается краской – он не умеет лгать, но обещал Питу, что не выдаст тайну, и держит слово.

– Знаешь, Ленни, – я протягиваю ему руку, и он пожимает ее, – ты очень хороший друг.

Дом с фиолетовой крышей навевает воспоминания о событиях, которые я не переживала, однако воображения мне не занимать – картины маминого прошлого ярко встают перед глазами: прятки в чулане, окровавленные осколки стакана, тайные встречи с парнем, который примет сан, поцелуи украдкой, дневник, залитый слезами. Она не была счастлива в этом доме, ненавидимая и гонимая отцом. Порой я представляю, как сложилась бы наша жизнь, будь он терпимее и мягче, не будь он продуктом фабрики Корка: мы приезжали бы сюда на каникулы, купались в озере, пекли пироги и сидели вместе у камина, где дедушка читал бы мне сказки. Но все это не нужно и ни к чему – у истории нет сослагательного наклонения. К этому дому я испытываю непримиримую ненависть, но ничуть не меньшую любовь, ведь люблю тех, кто считает его своим, тех, ради кого я возвращаюсь и буду возвращаться снова и снова, пока город не уничтожит тяжестью прошлого.

Я помню день, когда мы приехали: семнадцатилетняя я с большими надеждами, непомерным эго и юношеским максимализмом, и малышка Молли, которая находила плюсы даже в пыли и паутине по углам. «Тут живут паучки», – говорила она, тыча в каждую из них пальцем.

– Фло, кто еще здесь живет?

– Не знаю, Пупс. Надеюсь, мы будем одни. Ну или по крайней мере пусть платят по счетам.

Молли легла на пол и прислушалась. Ее никогда не пугали живые существа, даже самые мерзкие. Если бы на нее забралась крыса, она приласкала бы и ее.

– Мэри Элайза Вёрстайл, а ну-ка встань с пола. – Джейн поставила на стол коробку, перетянутую скотчем со всех сторон и с пометкой «Хрупкое».

– Что, если там есть крысы? – Эта мысль вызвала у нее улыбку.

– Конечно же, есть. Это очень старый дом. Вставай! – Джейн взяла ее за руку, подняла с пола и прошлась ладонью по кофточке, убирая невидимую пыль. – Тут грязно, солнышко. Не надо так делать.

– Что-то они притихли. Им тут скучно. – Она закатила глаза, прикусив нижнюю губу, – что-то задумала. – Мама, а можно спуститься в подвал?

Я помню и другой день – день, когда убежала. Сердце щемит, когда вспоминаю личико Молли и глаза, полные слез. Она знала, что мой отъезд неизбежен, но знание и чувства – не одно и то же. Она стояла, схватившись за руку матери, наблюдая, как Роберт увозит меня в лучшую жизнь, которая ей недоступна. Пожалуй, эти воспоминания приносят больше всего боли.

Я не сразу решаюсь постучать в дверь. Прошел год, но все такое чужое. Один удар, два. В доме начинается мельтеше-

ние, и через минуту мои глаза встречаются с точно такими же, но серыми. В них читается растерянность и удивление.

– Флоренс. – Джейн вытирает и без того чистые руки о передник и затягивает меня в дом.

Я крепко прижимаюсь к ней, вдыхая запах ее темных волос, которые тронула седина. В ее объятиях я маленькая и беззащитная, такая же, какой была, когда мать ушла от нас. Даже безухий Август, трущий о ноги, не вызывает злобы. В доме тепло и пахнет едой – как мало порой нужно для счастья.

– Ты продрогла, – она растирает мои руки, – ты вся ледяная.

Она проводит меня на кухню и наливает чая, а после заканчивает с обедом и ставит передо мной свежеприготовленное рагу, отчего я снова чувствую себя ребенком. Раньше ненавидела это – теперь люблю.

– Почему ты не сказала, что приедешь?

– Это спонтанное решение. – Не ем рагу, несмотря на аппетитный аромат, боюсь, меня будет тошнить. – Вы были у Патрика?

– Роберт пошел, а мы с Молли нет. Лето выдалось холодным, она немного приболела.

– Все нормально? Нужны лекарства?

– Уже лучше. Температура спала, скоро поправится.

Я кротко растягиваю рот в улыбке. Мне больно и стыдно за то, что я вынуждена оставлять их. И если Джейн понима-

ет, почему я это делаю, то Молли... Она не может в полной мере понять меня: зачем покидаю ее, корплю над учебниками, сплю по пять часов в сутки, избегаю внимания любого, кто пытается подружиться, и пристаю с расспросами к профессорам. Ни Джейн, ни Молли не знают о жизни в Кембридже. Для них я всегда здорова и счастлива – я старательно создавала этот образ, собирала по крупичкам и проращивала семена в их сознании. Подобно пауку, я плету паутину из лжи, обматываю их – для их же блага. А правда в том, что я перечеркнула свою жизнь и молодость ради учебы, потому что это единственный способ вытащить их отсюда.

– Как Молли в целом? – спрашиваю я спустя долгие минуты.

– Молли – это Молли. Ты ее знаешь.

Сама того не желая, она приносит мне боль. Раньше я не покидала Молли: мы вместе просыпались, точнее, она будила меня с Августом, залезая под одеяло, – я вздрагивала от холода ее ног и по-стариковски бурчала, но прижимала к себе и согревала. Вместе мы чистили зубы после сказки о злобном кариесе, которую я для нее сочинила. Она требовала, чтобы я проверяла, как она почистила зубы, придумывая каждому имя, например, два передних она называла Анна и Эльза в честь персонажей «Холодного сердца». Мы завтракали вместе и выбирали, что она наденет, тоже вместе. Рисовали у камина и лепили снеговиков, засыпали под одним одеялом в грозу – она страшно ее боится – и обязательно за-

ходили в магазин «У Барри», даже если не было денег, просто чтобы поздороваться и поболтать. Такой я помню ее. Нас. Я люблю эти воспоминания, но, как бы ни была сильна моя привязанность, сейчас все не так. Какая Молли теперь? Что происходит в ее маленькой голове и большом сердце?

– Она любит тебя, – говорит Джейн, словно читая мои мысли, – злится, что ты не рядом, но я объясняю ей.

– Как именно?

– Что Флоренс умная, что она учится и станет великим человеком.

– Великим – очень сильное слово. А если я не оправдаю надежд?

Джейн садится напротив и накрывает мои руки своими.

– Флоренс, мы любим тебя. И прежде всего хотим, чтобы ты была счастлива. Ты счастлива?

Я не хочу лгать, но солгу, как делала всегда, – ради ее благо.

– Да.

– Я должна сказать кое-что важное, и необходимо, чтобы ты выслушала предельно внимательно. – Она тяжело выдыхает. – Ты еще молода. И пусть ты не рядом, мы знаем, что ты посвящаешь свою жизнь нам. Твоя учеба очень важна. Но я хочу, чтобы ты жила: подружилась с кем-нибудь, нашла новое хобби, читала – как раньше – не учебники, просто книги. – Она одергивает себя, чтобы не сказать «познакомилась с мальчиком». *После твоей смерти об этом никто не гово-*

рит, словно знает, что я больше никогда не смогу полюбить так сильно, как люблю тебя. Никогда не смогу полюбить. – Понимаешь?

– Я не откажусь от своих целей.

– Если бы только я могла снять с тебя этот груз, но иного выхода не будет. Ни я, ни отец не сможем покинуть город. Мы останемся тут до конца...

– Джейн...

Она сжимает мою руку, заставляя замолчать.

– Но Молли не останется. У нее такой же живой ум, как у тебя, и большое сердце, которое впитывает все как губка. Я не хочу, чтобы оно впитало то, что витает в Корке. То, что предлагает Доктор... – она качает головой. – Его уже называют мессией.

– Мессией?

– Он утверждает, что ему все послано Господом, и люди верят – у них нет выбора. Город на грани краха – бежать некуда. Все очень уязвимы.

– Что ты думаешь о нем?

Она убирает руку.

– У меня от него мурашки по коже, – признается она, и я выдыхаю от того, как точно звучит ее описание. Он хищник, присутствие которого чувствуешь каждой клеткой, каждым волоском на шее и знаешь, что вопрос, нападет ли он – не вопрос. Дело в том – когда.

– Я тоже не в восторге от его способности оставлять людей

в холодном поту после совместного времяпрепровождения.

– Ты видела его? – удивляется она.

– Мы встретились на кладбище. Он сказал, что создаст рай на земле, общину, где все будут любить друг друга.

– Когда Патрик умер, Доктор собрал горожан в пристройке за церковью. Говорил, что все наладится, если мы вернемся к слову Господа, которого он слышит и ощущает.

– Корк и раньше жил по слову Господа.

– По слову Патрика, – поправляет она. – Ты считаешь меня наивной дурой, но за столько лет я кое-что уяснила... Важно не то, что говорит Господь, а то, как мы это понимаем. А это зависит от человека, который получит власть в городе. И было бы лучше, если бы этот проводник оказался хорошим человеком.

Мы обе замолкаем, опустив глаза. Никто не решается высказать это вслух, но очевидно, что Доктор не тот проводник, который нужен.

– Знаю, это жестоко и несправедливо по отношению к тебе, но ты наша единственная надежда.

– Хочешь, чтобы я вернулась?

– Нет! – От возмущения ее лоб прошивают глубокие морщины. – Ни в коем случае. Поезжай, учись, а когда придет время, заberi Молли в тот мир. В свой мир. Дай ей то, что я не могу. Чтобы она сама определяла свою судьбу, чтобы никогда не училась в школе, где ученик стрелял в других. Пообещай, что заберешь ее!

От ее искренней и болезненной материнской мольбы к глазам подступают слезы.

– Что бы ни было.

– Что бы ни было, – шепчу я, накрывая ее руки своими. – Обещаю.

– Вот поэтому ты не рядом. Ты учишься – это твоя работа, и я безмерно уважаю ее. А моя работа – позаботиться о Молли, напоминать ей, насколько важно то, что ты делаешь.

– Фло...

От ее голоса сердце замирает. Я оборачиваюсь, сжимая спинку стула до белизны костяшек. Встречаюсь с широко раскрытыми глазами. Прошел всего год, но она так выросла. Выросла без меня – осознание этого приводит в оцепенение. Ни рук, ни ног. Полая жестянка, гонимая ветром. Молли вытянулась, раньше она едва доставала до столешницы кухонных тумбочек, а теперь возвышается на голову. Однако ее волосы все так же собраны в косы, которые когда-то заплетала ей я. Но смотрит она иначе... Я не выдумала ее – разделяющая нас пропасть реальна. Расстояние и время – два кита, отделяющие нас друг от друга. И чем больше я буду пытаться сократить эту пропасть, тем сильнее она будет расти. Боюсь, когда-нибудь она станет такой большой, что с противоположных концов мы уже не увидим друг друга. Эта мысль не раз заставляла меня просыпаться посреди ночи в холодном поту.

Как растаявшее на солнце желе, я сползаю со стула и,

встав на колени, протягиваю к ней руки. Раньше она не ждала бы разрешения и сразу упала в мои объятия. Она подходит – несмело, боязливо, осиротевший детеныш – и я наконец прижимаю ее к себе, так крепко, как могу, вдыхаю ее запах – травянистый, свежий, живой, точно я держу в руках лесную нимфу – и пытаюсь запечатлеть в памяти. Она пахнет иначе. Я целую ее в лоб и нехотя отстраняю от себя.

– Как ты, Пупс?

– Патрик умер.

– Знаю.

– Думаешь, он там же, где Сид?

– Я хочу в это верить.

– Ты останешься с нами?

– Хочешь, чтобы я осталась?

Она кивает, и ее щеки розовеют. Я снова прижимаю ее к себе.

– Если мама разрешит.

Мы обе обращаем взгляды на Джейн. Я перекладываю на нее ответственность, внезапно лишаясь способности решать самой. Я слишком устала. Тело без души.

– Когда обед будет съеден, юные леди, – говорит она, примеряя образ строгого родителя. Только так она может скрыть уязвимость.

Молли по-взрослому усаживает меня за стол и устраивается рядом.

– Уже все остыло, – причитает Джейн, забирая мою тарел-

ку, – нельзя есть холодное. Особенно тебе, – она смотрит на Молли, – будешь пить молоко с медом.

– Не люблю мед, – кривится она.

– С каких это пор? – спрашиваю я.

– С тех пор как прошлой осенью кое-кого укусила пчела, – отзывается Джейн, наполняя тарелку.

Меня словно тоже кусает пчела, ведь я забыла об этом, а возможно, и не знала.

– Тебе нравится учиться? – спрашивает Молли, болтая ногами под столом. Так, будто с нашей последней встречи прошло два дня. Мне нравится ее детская непосредственность. Мне ее недостает. Была ли она у меня когда-нибудь?

– Да, там здорово. Нам рассказывают всякие интересные вещи и дают много книг.

– А там есть красивые мальчики?

Я усмехаюсь. Мальчики? Парни? Кто это? Бесполое сознание.

– Наверное. Я не обращала внимания.

– Тебе нужен самый красивый и умный мальчик из всех.

Джейн ставит перед ней тарелку, но она не притрагивается к еде, поглощенная беседой.

– Ты с кем-нибудь там дружишь?

– Нет. В основном я сижу над книгами.

– Скука.

– Кушай, солнышко, иначе придется отправить тебя в кровать, – говорит Джейн.

Молли принимается за обед.

– И не болтай ногами, когда ешь, – добавляет Джейн.

– А у меня много друзей, – продолжает Молли, размахивая ложкой. – По вечерам мы с Питом и Ленни гуляем с Три-тоном. Но он все равно какой-то толстый. В смысле Тритон, а не Ленни. Про людей так нельзя говорить, да? Иногда с нами ходит Том, но он такой молчаливый.

– Ты тоже поела бы, – говорю я Джейн, но она отмахивается.

Молли начинает канючить, выпрашивая мороженое, но Джейн стоит на своем. Я молча улыбаюсь, наблюдая за их милой и по-детски дурашливой беседой. Внутри все стягивает и ноет, ведь мне не хватает таких бесед, и пусть со временем они мне надоели бы, это лучше, чем не слышать их вообще.

– Фло, а Бакли такой дурачок...

– Что за словечки? – Джейн недовольно поднимает бровь.

– Но так и есть, в прошлом году он пытался стать лучше меня в классе, а лучше меня никого нет, потому что моя сестра самая умная на свете. Он с семьей уедет этой осенью, и тогда я точно буду самой лучшей.

– Не будешь скучать? – спрашиваю я.

– По Бакли? Этому д... – она запинается, бросая взгляд на Джейн. – Ни за что! Я даже сделаю ему прощальный подарок, лишь бы он скорее уехал.

Когда дело доходит до молока с медом, мы перебираемся

в гостиную. Молли сворачивается клубком и кладет голову мне на колени – я глажу ее по волосам, – а у нее под боком устраивается Август, мурлычет, когда она проводит рукой по его шерстке. В отличие от сестры, этот дурацкий кот не изменился ни на йоту – это так несправедливо.

– Я так сильно скучала по тебе, – шепчет она. Ее дыхание щекочет мою ладонь.

– А я по тебе, Пупс.

– Мое сердце стало таким большим, когда ты вернулась.

– Мое тоже.

Я наклоняюсь и целую ее в висок.

– Оно всегда становится большим, когда я думаю о тебе, – признаюсь я.

Она поворачивается и смотрит на меня снизу вверх огромными чистыми глазами.

– Правда?

– Правда-правда.

Она закусывает губу.

– Хочешь, я покажу тебе свой последний рисунок? – предлагает она и, не дожидаясь ответа, подскакивает.

– Как только выпьешь молоко, – доносится голос Джейн с кухни.

Молли делано куксится, но все же берется за напиток. Выпивает залпом, а после вскакивает и приносит те рисунки, что нарисовала, пока меня не было. Здесь и я в шапочке выпускника, и Джейн с Робертом, и церковь Святого Евстафия

с Патриком. И Доктор – стоит у алтаря, воздев руки к небу.
– Молли...

Она плюхается на диван, притягивая к себе Августа, – и тот, как игрушка, позволяет творить с собой все, что взбредет ей в голову, меня бы он и к своей миске не подпустил.

– Этот человек...

– Это доктор Йенс. Он хороший!

– Хороший?

– Он ходит в церковь и читает проповеди. Папа говорит, что он пытается помочь нам.

Я сглатываю. На детских рисунках он куда более страшный и жуткий – сама того не ведая, Молли раскрыла его суть: все показаны мелкими, лишь силуэтами, в то время как Доктор передан до мельчайших подробностей. Статность, высокий рост и очевидное превосходство над всеми, выражающееся в глазах, позе и даже голосе. Его голос... звучит в ушах под звуки тихой мороси, приземляющейся на надгробия тех, кто уже не способен ощутить дрожь в его присутствии. *Я хирург, мисс Вёрстайл. Я умею удалять опухоли, и, если Господу будет угодно, опухоль Корка я тоже удалю. Я – часть этой опухоли. Он вырежет и меня?*

На ночлег я устраиваюсь в своей комнате. Полки и шкафы давно опустели: книги переместились на чердак, какие-то я забрала с собой. Джейн пытается найти мне что-нибудь подходящее для сна. Изучаю спальню так, словно она не была моей – она никогда и не была, здесь живут призраки прошло-

го. Заглядываю в ящик прикроватного столика, где покоится кольцо с зеленым демантоидом, которое когда-то принадлежало матери, – оно ранит меня. У мамы были красивые руки, тонкие пальцы, как у диснеевской принцессы... Помню, как грациозно она двигалась, даже просто готовя ужин, как тянулась за тарелками. Особенно сильно мне нравилось наблюдать за тем, как она красится или разговаривает по телефону. В этих будничных действиях она становилась еще красивее, а зеленый камень в кольце волшебным образом подчеркивал зелень, которая в иных обстоятельствах была едва заметна в карих глазах. Я оставила его намеренно, когда покидала Корк, но некоторые воспоминания не уничтожить, убрав его участников с глаз долой.

– Надень его.

Оборачиваюсь. Роберт растягивает рот в слабой улыбке, но я слишком озадачена, чтобы ответить тем же. Он оставляет на кровати хлопковое платье Джейн. Отстранен, напуган, точно кормит дикого зверя.

– Давно не виделись, – говорит он, присаживаясь на край, отчего матрас под ним жалобно скрипит.

Кидаю кольцо в ящик и с силой закрываю его.

– И не общались – ты не подходишь к телефону.

– Думал, тебе так будет проще.

– Проще?

– Оставить нас.

– Я не она, – отвечаю я, и тут же жалею об этом. Это ранит

его даже больше, чем меня.

– Прости, – шепчу я, устроившись на другом краю.

– Ты надолго?

– Переночую и поеду. Не хочу, чтобы Молли обижалась.

– Она в любом случае обидится.

– Знаю.

– Ты дорога ей.

– Знаю.

– Она думает, что, если будет хорошо себя вести, ты останешься...

– Папа! – вырывается у меня в попытке остановить его.

– Столько лет прошло, а мне до сих пор приятно это слышать, – признается он после долгой тишины. – Я знал... знал, что ты не моя. Луиза все рассказала, когда была беременна.

– Пожалуйста, – молю я. Его слова режут меня изнутри. Он не был нежен со мной, однако воспитывал и растил меня почти девятнадцать лет, дал мне свою фамилию, зная, что я рождена от другого. Именно он видел мои первые шаги и слезы, работал, чтобы я получила образование. Это был не Патрик, а он – он мой отец.

– Но это было не важно, потому что я любил ее. И тебя люблю, хотя не умею это показывать.

– Ты делал все, что мог, чтобы это показать.

– Я знаю, что это Патрик. – Он переводит на меня мутно-голубые глаза – помню, когда-то они сияли. – И ты, очевидно, тоже, раз приехала.

– Да, уже давно.

– Насколько давно?

– Узнала в тот год, когда жила в Корке.

Он почему-то кивает, закусывая губу.

– Думал, пойду на его похороны, увижу гроб, осознаю, что он мертв, и мне полегчает, но легче не стало.

Прежде чем уйти, он неловко треплет меня по плечу – самая большая нежность с его стороны.

– Флоренс, я искренне соболезную твоей утрате.

Переодевшись в платье Джейн – посеревшее, но удобное, – залезаю под одеяло, не причесавшись и не почистив зубы. Ночь опускается на город, тянет ко мне лунные когти, бурей поднимая прошлое, что при свете дня я способна удерживать внутри, но не с приходом темноты – ночью силы покидают, и все, что я подавляю, вылезает наружу. Я лежу, как рыба, выброшенная на берег, не способна ни вздохнуть, ни прыгнуть в воду.

Натягиваю одеяло до самого подбородка. Лежу, уставившись в потолок, испещренный мелкими трещинками. Я часто рассматривала их, когда не могла уснуть, и представляла их картой, которая приведет меня в жизнь, где я и все те, кого я люблю, будут счастливы. Зажмуриваюсь и, притаившись в страхе спугнуть желаемое, жду, что в окно прилетит камешек и внизу будет ждать радостный и раскрасневшийся Сид Арго. Он залезет через окно, ляжет рядом, а утром оставит записку, которая заставит улыбаться весь день. Сжимаю руки в кулаки, впиваясь ногтями в кожу. Как бы я хотела просто... не думать. Сдаться.

Вдруг дверь со скрипом приоткрывается. Я приподнимаюсь на локтях и всматриваюсь в темноту: сначала в комнату пробирается Август, а после – Молли.

– Можно лечь с тобой?

Я подвигаюсь и похлопываю по нагретому месту рядом с собой. Мы ложимся лицом к лицу, заглядывая друг другу в глаза – от нее пахнет детской пастой с клубникой. Это все еще моя Молли. Пусть и другая, но моя. Она всегда будет моей.

– Ты грустишь, – шепчет она непривычно взросло.

– Грущу.

– Из-за меня?

– Нет, Пупс, – я улыбаюсь, заправляя прядь ей за ухо, – благодаря тебе я радуюсь.

– Из-за Сида?

Я сглатываю слезы, подступающие к горлу.

– Да, наверное.

– Пит по нему скучает.

– Он говорил тебе?

– Он... носит его одежду. Даже те ужасные колючие варежки.

– Я говорила с ним в церкви. Да, он скучает.

– А я скучаю по тебе.

– И я по тебе, Молли. Ты первая, о ком я думаю каждое утро, когда просыпаюсь, и каждую ночь, когда засыпаю. Ты – все, что у меня есть.

– Но ты не можешь остаться.

– Да, Пупс. Не могу.

– Фло... пообещай, что не забудешь меня.

Внутри все холодеет.

– Я никогда не забывала тебя.

– Раньше ты звонила чаще.

– Прости, у меня много заданий. Я стараюсь хорошо учиться.

– Ты всегда хорошо училась.

– Это ради нас. Ради тебя.

– Мама тоже так говорит. Но я хочу, чтобы ты пообещала... – она ненадолго затихает, – ... всегда любить меня.

Я притягиваю ее к груди, с силой прижимаю к себе – она маленькая и теплая. Я хочу обнимать ее вечно и хочу кричать, потому что это невозможно.

– Даже если я буду очень далеко, – шепчу я ей на ухо, – даже если не буду звонить и приезжать, ты должна помнить, что я всегда – слышишь? – всегда буду любить тебя больше всех на свете.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Навсегда?

– Навсегда, Молли. Навсегда-навсегда.

Часть 1. Отрицание

Бог есть любовь. Любить – значит видеть в человеке частицу Бога.

Из сочинения Леонарда Брэдсона «О любви»

1

Шесть лет спустя

Он останавливает машину и смотрит на меня, пытливые голубые глаза поблескивают в полумраке салона. Рука сжимает руль. Он волнуется? Он один из лучших адвокатов на Манхэттене, и наверняка у него было немало женщин – он должен уметь это скрывать. Стоит признать, на работе он актер без «Оскара», но, когда мы остаемся наедине вне офиса, у него не получается играть – я заставляю его волноваться.

– Я рад, что сегодня ты была со мной.

– Только сегодня? – отшучиваюсь я, лениво растягивая рот в улыбке. Превратить комплимент в шутку, снизить градус, пренебречь флиртом – единственный способ не позволять мужчинам увлекаться слишком сильно, впрочем, срабатывает он не всегда.

Он горько усмехается. Мелкая морось шуршит по стеклу. Ночные блестящие улицы.

– Это моя работа, – уже серьезно добавляю я.

– И только?

Я хотела бы сказать, что нет, но обещала не лгать ему, когда он принял меня – выпускницу Гарвардской юридической школы с минимальным опытом, но далеко идущими амбициями – в свою фирму младшим адвокатом. Я до сих пор держу слово – в мире, где так много лжи, я обязана хоть с кем-то быть честной.

Раз в год все нью-йоркские адвокаты тратят баснословные деньги на званый ужин в ресторане отеля «Плаза» и делают это неспроста – связи очень важны, порой важнее денег. В огромном зале – блеск хрусталя, кипенно-белые рубашки официантов, начищенные бокалы с искрящейся жидкостью, лодочки на шпильке, туго завязанные галстуки, разжижающие мозг беседы, выученная вежливость – они обрастают связями, предлагают свои услуги и хвастаются. В основном, конечно, хвастаются. И тот, кто выиграл наибольшее количество дел, а главное – получил крупные гонорары за последний год, становится звездой вечера, не успевая отбиваться от предложений о сотрудничестве. И так уж вышло, что этим кем-то оказался мой босс Филл Ричардс. Не без моей помощи, но, пока мои щеки обналичиваются, я покладиста и почти не принципиальна. А Филл – благородный человек, что редкость в юридической среде, и позволяет мне

греться в лучах его славы.

Иногда я поражаюсь тому, как Филл сохранил собственное «я» в окружении маститых акул, ведь он не такой. Я уважаю его за это: Филл никогда не строит из себя того, кем не является. В отличие от меня. Однако он не знает, что я люблю его как коллегу и друга, и поэтому пытается завоевать мое расположение. Хотя, возможно, он знает об этом, но не в силах признать, а я не в силах разорвать порочный круг его попыток заполучить меня. Так и вижу нас, застрявших в этой машине до скончания веков: – *Стань моей.* – *Не стану.*

– Ты же знаешь, я не люблю приемы. Предпочитаю одиночество.

– А ты знаешь, что без тебя не обошлось бы.

– Да брось, никто бы и не заметил.

– Флоренс, ты не просто мой адвокат, ты... – Он замолкает, ищет правильное слово, которое не спугнуло бы меня. Жаль, он не подозревает, что дело вовсе не в словах. – Ты моя правая рука, и я хочу, чтобы люди знали об этом. Ты не всегда будешь просто адвокатом, если так пойдет дальше, к тридцати ты станешь партнером.

Он накрывает мою руку своей. Я натянуто улыбаюсь, и сердце ухает в желудок – это катастрофа, код «Красный» – самое время сматывать удочки.

– Давай прокатимся куда-нибудь? Еще не поздно, к тому же сегодня пятница.

– Знаешь, это предложение звучит очень двусмысленно,

учитывая, что ты сказал о моем потенциальном партнерстве.

Он теряется, убирает руку. Будь я прокурором, он проиграл бы дело.

– Нет, – морщится он, стукнув по рулю, – я не имел в виду ничего такого. Флоренс...

– Я знаю, – я дотрагиваюсь до его плеча. Порой он становится беззащитным, как пятилетний мальчишка, так и хочется утешить его, купив сладкую вату и билет на лошадок. – Я тебя знаю, Филл. Не переживай.

– Ты подумала... ты решила, что я предлагаю тебе повышение взамен на...

– Нет, про тебя я никогда так не подумала бы. Мы работаем вместе последние два года, так что да, я знаю вас, мистер Ричардс.

– Не надо, не называй меня так. Я же не старик.

– Странно, – хмыкаю я, – а мне казалось, тебе за семьдесят.

Он усмехается.

– Мне тридцать пять, мисс Вёрстайл, и вам это как никому известно.

– Да, а еще мне известно, что ты не стал бы принуждать к тому, чего мне не хочется, взамен на партнерство в юридической фирме. Это мог бы сделать более беспринципный мужчина, беспринципный начальник, но ты будешь честен, несмотря на то что ты лучший адвокат на Манхэттене.

Он сглатывает, сжимая руль сильнее.

– Я перехожу черту, да?

– Иногда.

– Прости. Не хочу становиться сумасшедшим боссом.

– Ты и так сумасшедший босс, но мне это нравится, – про-
изношу я намного более двусмысленно, чем хотелось бы.

Филл берет мою руку и едва уловимо целует тыльную сто-
рону ладони. Невинный, почти невесомый поцелуй, но я по-
крываюсь мурашками. Прикосновения. Другого мужчины.
Это неприятно. Я не хочу все усложнять. Он отпускает руку,
несколько секунд мы сидим в тишине салона, как подростки
на первом свидании. Тоскливые струйки бьют по лобовому
стеклу.

– Я отправил тебе дело Стэнтона, – его тон резко меняет-
ся: деловой, важный, безапелляционный. Босс в здании. Ме-
ня это устраивает. – Он хочет, чтобы вопрос решился как
можно скорее, поэтому мы договорились о встрече на зав-
тра. Надо, чтобы ты тоже присутствовала. Изучи материалы
– нам не помешает твой взгляд.

– Стэнтон? Тот сальный лысый мужик?

– Этот сальный лысый мужик не лучший человек на свете,
но он знакомый моего брата, я не могу отказаться.

– Хорошо, мистер Ричардс. Поможем очередному мерзав-
цу избежать наказания.

«Это работа. Это моя работа», – повторяю про себя, как
мантру, растягивая рот в улыбке.

– До завтра, Филл. – Я открываю дверцу машины, вешая

ремешок сумочки на плечо.

– До свидания, Флоренс.

Семеню на шпильках к подъезду, новые туфли натерли мозоль на пятке. Обернувшись у двери, машу Филлу, чтобы сгладить неловкость, и он отвечает тем же, словно папа, провожающий дочь в школу, и я люблю его – как отца, как брата, которого у меня никогда не было и о котором я не просила, – надеюсь, он не решил, будто я смущена его вниманием. Я не смущена – я напугана.

В университете я ни с кем не встречалась – едва хватало времени на сон. После выпуска с головой окунулась в работу. Когда напряжение текло из ушей тонкой струйкой, я позволяла себе встречи на одну ночь. Но только на одну, только в определенные дни и только на моих условиях. Никаких имен, пустых обещаний, душевных разговоров. Больше я не позволяю себе и этого. Попытки мужчин привлечь мое внимание до крайности бесят и заканчиваются крахом. Если я хоть на минуту даю слабинку, они пытаются забраться под броню, найти в ней трещины, обнажить душу, залезть под кожу, а я не намерена никого впускать – там и так достаточно тесно.

Нажимаю на кнопку и выдыхаю, когда слышу приглушенное дребезжание лифта, собирающегося с рывком остановиться. Еще минута – и я дома. По меркам Нью-Йорка квартира небольшая и скромная, по моим же – уютная берлога, к которой за последние два года я знатно привыкла. Привык-

ла к высоким потолкам, стенам из красного кирпича, темной мебели, к отсутствию картин, точнее, к их расположению: на полу, изображением к стене – заранее ограждаю себя от того, что может в них привидеться, если охватит сонный паралич. Я привыкла к скрипу половиц и холодильнику, у которого через раз закрывается дверца, даже к окнам в гостиной, выходящим на север, из-за чего в квартире постоянно темно. Я привыкла...

Последние три года я работала как проклятая. Сначала в фирме попроще, где приходилось надрывать задницу, чтобы вырвать дела поинтереснее и посолиднее. Позже – в Нью-Йорке. Первые шесть месяцев после университета я пахала без выходных и перерывов, потеряла пятнадцать фунтов¹⁰ и половину волос, а вместо них приобрела обсессивно-компульсивное расстройство, панические атаки и паранойю, но выиграла больше дел, чем мои старшие коллеги за все годы адвокатской практики. В Нью-Йорке жизнь начала налаживаться. Филл верит в работу, настроенную на качество, а не на количество, и в то, что работники могут приносить деньги, только когда у них все в порядке со здоровьем и психикой, поэтому включает в страховку обязательные медосмотры и походы к психологу.

Но даже в «Ричардс & Спенсер» я работаю по двенадцать часов в сутки – привыкла много работать, мне это нужно – застой губителен. Филлу не нравится, когда я загоняю себя,

¹⁰ 6,8 кг.

но он уважает меня, потому что в этом мы похожи: два циника-трудоголика, которые понимают слишком много о мире, чтобы позволить себе передышку. Да, я кручусь как белка в колесе, но так было всегда, однако теперь я знаю, ради чего страдаю. Я красивая, почти двадцатипятилетняя женщина с престижной работой, приличной зарплатой и регулярным циклом. У меня все в порядке... на первый взгляд в порядке.

Скидываю туфли в гостиной, прошу Сири включить музыку – она выбирает Лесли Гор «Я не твоя собственность» – и плетусь на кухню. Мозоли на пятке и большом пальце пощипывают и пульсируют. Уверена, туфли придумал какой-то бесноватый ученый, целью которого было искалечить ноги женщин – иной цели я не вижу, однако каждый день надеваю туфли на каблуках и юбку-карандаш, чтобы не выделяться. На ходу выпускаю шпильки из волос, и корни отвечают благодарной болью. Открываю дверцу холодильника – содержимое боковой полки отзывается звонким лязгом. Никаких вин и шампанского – пусть их оставят себе павлины из «Плазы», но помимо этого у меня есть все: виски, ром, джин, текила, водка, абсент, бренди. Говорю же, у меня все в порядке. Именно поэтому пятничный вечер я проведу в компании алкоголя с высоким процентом содержания спирта, а не с мужчиной, который проявляет ко мне неподдельный интерес.

Откручиваю крышку с бутылки водки и наливаю в стакан, слушая приятное бульканье.

Говорят, пить в одиночестве – первый признак алкого-

лизма.

Но я не алкоголик.

Второй – отрицать свой алкоголизм.

Порой я смотрю на себя со стороны и становлюсь себе противна. До зуда, до тошноты. Выдернуть бы себя из себя. И поместить внутрь что-то новое. Удобоваримое и простое. Наверное, это третий признак, но о нем я никогда не слышала.

Когда я начинала адвокатскую практику, после ночи за очередным делом я выпивала немного водки или виски вместо теплого молока, чтобы поскорее уснуть и провалиться в бездну, где нет ни бумаг, ни прокуроров, ни свидетелей, ни судей. С тех пор так и повелось... Забвение помогает сохранить здравый рассудок и стать той, кем должна быть. Начинающие адвокаты – пушечное мясо: клиенты, прокуроры, судьи – все видят молоко, не обсохшее у них на губах. Если не получится избавиться от этого на первых порах – тебе конец. Публичные выступления, встречи с клиентами, грязные подробности чужой жизни похоронят все, над чем ты работал столько лет. Мой секрет в том, что я ничего не боюсь и поэтому всегда выигрываю – мне нечего терять. Внутри я мертва.

Раньше Сид приходил ко мне в снах, но в последний раз это было так давно, что уже не вспомнить. Вместе с ним я погружалась в другой мир, оживала. Просыпаясь, окуналась в реальность, а потом снова впадала в забытие. Сид помогал

мне справляться, но я больше не вижу его ни в снах, ни в толпе – только в воспоминаниях, которые потускнели и померкли, как бы сильно я ни старалась их удержать. Думаю, он ушел намеренно. Я тоже не захотела бы видеть себя настоящей.

Сид верил, что я стану хорошим человеком, что буду защищать униженных и обездоленных, тех, у кого нет таланта к четкому построению сложных предложений. Я сама верила, что изменю этот жестокий, несправедливый, грязный, черствый мир – духовку Сильвии Плат. В восемнадцать это казалось реальным. Но рано или поздно иллюзии терпят крах. Мои потерпели. Розовые очки разбились стеклами внутрь. Защищая бедных, не оплатишь счета, не заполнишь холодильник выпивкой и не купишь туфли на каблуках, чтобы не выделяться среди коллег, поэтому я работаю с теми, у кого карманы полны франклинами¹¹, – заключаю сделку с совестью. Я не спрашиваю, виноваты ли они. Так или иначе я обязана их защищать. Лучше не знать.

Работа адвокатом превратила меня в человека без совести. Я своего рода священник, день за днем провожу исповеди, выдаю индульгенции – прощаю людей за деньги. Я обещаю их, использую мозги и подвешенный язык, чтобы представить информацию в том свете, в котором нужно мне и моему клиенту. Я не стремлюсь к геройству. Я не могу себе этого позволить. *Я не герой, Сид. У тебя всегда была слиш-*

¹¹ Бенджамин Франклин изображен на столларовой банкноте США.

ком светлая голова и слишком большое сердце. Но у меня их нет. Я безжалостна. Ненавижу ли я себя за это? Да. Продолжу ли я это делать? Да. Ради Молли, которой я обеспечу лучшую жизнь. Она все, что у меня осталось. Она – мое все. Ты знаешь это.

Джейн больше не звонит мне. Теперь в Корке напряженка с телефонной связью – Доктор сдержал обещание и оградил горожан от внешнего мира, поэтому Джейн вынуждена писать письма, как когда-то делал Патрик, но они не отражают полную картину происходящего. Джейн не умеет лгать – я чувствую, что она врет, даже за мили от меня. С каждым годом она пишет все реже, письма становятся все короче. Она запрещает приезжать, а я не спешу в Корк – единственное место в этом мире, которое может окончательно раздавить меня.

Делаю глоток, на этот раз прямым из горла, и ложусь на кровать. Бретельки платья неприятно впиваются в плечи. Телефон вибрирует в сумочке, которую я кинула на пол в гостиной. Это Филл. Он печется обо мне, потому что не знает, что я пережила. Думает, я твердая снаружи, но мягкая внутри. Это не так. На вид я очень милая, но внутри стальной стержень – он приносит боль даже мне. Вибрация утихает. Стоит отдать Филлу должное – он пытается.

Филл – хороший человек и замечательный мужчина, а такие в наше время, а тем более в Нью-Йорке, встречаются нечасто. Он начальник и мог бы добиться меня деньгами,

шантажом или властью, но никогда не пытался. Филл хорош собой и умен – мужчина мечты... для женщины, у которой все в порядке с головой. И, очевидно, это не я.

Сев в кровати, я достаю из тумбочки прикроватного столика перочинный ножик, поднимаю ткань платья и режу внутреннюю сторону бедра. После нескольких бокалов шампанского и стаканов водки способность чувствовать боль притупляется – врезаюсь сильнее, пытаюсь забраться под кожу, вырвать то, что не дает заснуть. Кровь струйкой течет на белую простыню – такая яркая, жидкая, словно разбавленная водой. Заливаю порез водкой.

Выпиваю еще. И еще.

Закончив бутылку, кое-как стягиваю с себя платье и заворачиваюсь в одеяло.

Вдалеке играет Сири – *я не боюсь Бога, я боюсь людей*¹² – я не могу оставаться в тишине.

Проваливаюсь в сон без сновидений.

¹² Строчка из песни Savages (с *англ.*: «Дикари») Marina And The Diamonds.

Сонный паралич. В последнее время приступы случаются все чаще. Меня давно не пугают темные силуэты, стоящие в дверных проемах или возле окна, – в ужас приводит неспособность пошевелиться. Оцепенение. Ступор. Немо́та. Каждый раз я верю в то, что умираю. Мое тело боится этого, душа – нет.

Я стараюсь не думать о том, что творится со мной по ночам. Выключаю будильник, вскакиваю с кровати, принимаю душ, закидываю в себя завтрак – и все: новый день, новая я. Долгие размышления убивают. Сажусь за рабочий стол – на ближайшие часы я другой человек: проверяю почту, отвечаю на письма, заново в календарь встречи на неделю. Материалы дела Стэнтонa оставляю напоследок. Этот сальный мужик занимается фотосессиями пикантного характера и производством порнофильмов. В одном из них он снял несовершеннолетнюю, и теперь ее родители требуют изъять фильм из продажи и возместить материальный ущерб. Провести утро субботы за просмотром порно – не то, чего мне хотелось бы, но я вынуждена изучить материалы. Видео длится тридцать пять минут. Уже на третьей ловлю себя на мысли, что думаю о чем угодно, но не о деле. Секс мне неинтересен – ни чужой, ни собственный. Бездумный трах. Оболочки без души. Раньше срабатывало. Но теперь мне противна даже

мысль, что какой-то мужчина заполучит меня, коснется, поцелует... Невыносимо жить в мире, где этим мужчиной может быть кто угодно, кроме Сида Арго.

Я досматриваю видео на быстрой перемотке.

«Надеюсь, сторона обвинения прищучит его», – говорит моя совесть.

«Я должна выиграть это дело!» – парирует разум.

Встреча со Стэнтоном назначена на одиннадцать в офисе «Ричардс & Спенсер». В оставшееся время я могла бы написать письмо Джейн, как раньше делала по выходным, но не знаю, читает ли она их, а главное – получает ли, ответов давно не приходило. Достāju из-под кровати старую коробку, где храню все реликвии: красный блокнот Сида Арго и его записки, дневник матери и письма, которые когда-либо получала из Корка. Некоторые из них от Джейн, но большинство от Питера Арго – самая прочная ниточка с Корком.

Сегодня на уроке мистера Прикли мы должны были обсуждать «Повелителя мух», но никто не прочитал, и он разозлился, говорил, что так из нас ничего путного не выйдет. Провел беседу о важности чтения и... рифлексии. Заставил написать сочинение на свободную тему. Терпеть не могу эти свободные темы. У меня много мыслей, но, когда кто-то просит их написать, в голове пустота.

За книжку Прикли влетело. Он весь день ходил как в воду опущенный, а через пару дней все «Повелители мух» исчезли

из библиотеки. Странно, правда? Как бы с Прикли не произошло то же, что с Саймоном. Помнишь, что сделали с ним в книге?

Сегодня отец убрал баскетбольное кольцо с заднего двора. Взял мяч и унес куда-то. Бродит по дому черной тучей. Не знаю, что на него нашло. Я ничего не сказал ему. Слишком он был грозный. Он не в себе. Боготворит Доктора, потому что тот дает ему работу, а это все, что ему нужно, – работать. Мы для него совсем чужие.

В последнее время Прикли выглядит как пес миссис Пибоди перед смертью. Глаза несчастные и усталые. Тритон умер месяц назад, а я никак не могу забыть о нем. Поводок висит у двери. Каждый вечер хватаю его, иду к дому Пибоди и только потом вспоминаю... Я закопал Тритона в лесу и сделал крест из старых досок. Преподобный сказал, что я поступил правильно, хоть в чем-то я с ним согласен, но он мне не нравится, слишком уж важный и строит из себя святошу (постоянно носит эту свою рубашку с воротничком) – смотреть тошно. Отец ворчал, что я зря трачу дерево. А как иначе? Не оставлять же его на съедение мухам. К тому же чего-чего, а дерева в Корке с избытком.

Смерть Тритона расстроила Молли. Она теперь не выпускает Августа из рук. Любит животных. Кажется, больше, чем людей. Я ее понимаю.

После смерти Тритона мне часто снится сон. Я в темном и тихом лесу. Иду, раздвигая ветки перед собой, выхожу на поляну, где в землю воткнута палка, а на нее насажена голова Прикли. И у него струйка крови течет изо рта. Как думаешь, к чему это?

Мне не хочется делать ему крест.

Отец позволил вынести из дома все книги. Особенно сильно пострадала комната Сиды – теперь она совсем опустела. Я хотел прочитать «Коллекционера». Ты знала, что это его любимая книга? Я спросил у Прикли, и он дал мне свой экземпляр, но велел никому не говорить. Будто я имею привычку болтать. И почему Сид любил эту книгу? Она жуткая. Но я понимаю Калибана. Иногда ты любишь кого-то так сильно, что больно сдерживаться.

Не беспокойся о Молли. Я забочусь о ней. Не считая Лени, она мой лучший друг. Конечно, она девчонка, и порой я не понимаю ее. Почему, например, она обижается, когда я говорю, что она не может пойти со мной и Лени на озеро? Иногда она для меня полная загадка. Ты тоже. Но ты же мой друг. Мы друзья? Флоренс, я очень хочу, чтобы мы были друзьями. Думаю, если бы ты была рядом, ты бы точно стала моим лучшим другом.

Пит не знает, но эти письма много для меня значат. Он не

представляет, сколько раз я их перечитывала, поэтому знаю, что его любимый цвет – зеленый, праздник – Рождество, а книга – «Робинзон Крузо».

Однажды письма перестали приходить: резко и беспричинно, словно кто-то перекрыл воду в кране. Долгое время я писала ему с просьбой объяснить, что пошло не так и почему он больше не отвечает. Допытывалась у Джейн, все ли в порядке у Арго. Она говорила, что да, и у меня не было причин ей не верить – я оставила попытки. С тех пор прошло два года, и я больше не знаю, что переживает и чувствует Питер Арго. Когда он прекратил общение, ему было пятнадцать. Возможно, он перестал во мне нуждаться, но я – нет, поэтому мой номер, тот самый, который я написала ему на визитке, все еще действителен. Я жду звонка, пусть и не надеюсь, что он в самом деле позвонит.

Я твой друг, Питер. Я жду. И буду ждать, сколько потребуется.

– Среди многочисленных талантов Стэнтон не способен располагать к себе людей, но давай без речей о недобросовестности продюсеров в порнобизнесе, – просит Филл, встречая меня в коридоре офиса. Мы идем в зал для переговоров.

– И не думала.

– Посмотрела материалы?

– Да, особенно то получасовое видео.

– И как?

– Таланта к режиссуре у него тоже нет.

Филл подавляет улыбку и открывает передо мной стеклянную дверь. Стеклянные офисы для встреч с клиентами не самое удачное изобретение человечества, но, если приходится иметь дело с такими, как Стэнтон, это лучшее решение. Он опаздывает на встречу – мы вынуждены ждать – появляется на пятнадцать минут позже, заходит в зал как голливудская звезда, ожидая фанфар, красной дорожки и аплодисментов. Многие из тех, кто способен позволить себе услуги таких адвокатов, как Филл, ведут себя как последние мудаки. Но я выработала привычку, поэтому даже не приходится ломать себе хребет, чтобы пожать ему руку. Он плюхается в кресло, соединяя руки в замок на животе. На лице играет легкая улыбка – он знает, что ему все сойдет с рук,

и наша работа – подкреплять его уверенность, мы должны оставаться убедительными и бесстрастными, как бы сильно ни хотелось принять душ после рукопожатия.

Филл открывает папку с материалами и пробегает глазами по строчкам.

– Ты знал, что ей нет восемнадцати?

– Нет, она сказала, что ей двадцать. К тому же подписала контракт, я и не предполагал, что могут возникнуть сложности.

Девушка солгала, но это не имеет значения: Стэнтон настолько мерзкий тип, что присяжные и прокурор ухватятся за любую лазейку, чтобы его прижать.

– Почему фильм снимали в Лос-Анджелесе?

– Я все свои фильмы снимаю в Лос-Анджелесе. Мне нравятся виды, – он подмигивает мне. Масляный взгляд, плотоядная ухмылка. Очередная шлюшка с дипломом, думает он. Один из тех, для кого трах – смысл жизни.

– Девушка на стороне родителей? – спрашиваю я. Профессиональная глухота. Скоро я потону в безразличии.

– Сначала она не хотела подавать иск, ее все устраивало, но потом родители и адвокат наплели ей, что это может сыграть с ней злую шутку.

– Значит, договориться не выйдет, – продолжает Филл, откидываясь на спинку кресла.

– Они настроены серьезно и думают, что имеют на это право. Но злодей не я – это она солгала мне. Я законопо-

слушный гражданин и хочу, чтобы вы выиграли это дело, – он стучит пальцем по столу. – Более того, хочу, чтобы они заплатили за моральный ущерб: за обман и за трату моего времени.

– Джек, ты же понимаешь, что происходит? Ты принудил к сексуальному контакту, который снял на камеру, несовершеннолетнюю. Это очень серьезно.

– Говорю же, Филл, я не знал.

– Почему бы вам просто не удалить это видео? – спрашиваю я.

– И не подумаю. Я пострадавшее лицо и не намерен терять деньги. Повторю еще раз: хочу, чтобы они заплатили. Выиграйте это дело, Филл. Я слышал, для тебя нет ничего невозможного.

– Значит, примирение не вариант?

– Только если будет включать извинения и моральную компенсацию.

– Хорошо, свяжемся с родителями и оповестим о наших условиях. Но дело нечистое. Ты должен быть готов к проигрышу.

– Я никогда не проигрываю.

Филл провожает Стэнтон, возвращается в кабинет и садится в кресло – снимает маску профессионала и глубоко задумывается.

– Прости. Он... такой.

Бедный Филл. Скабрзностью меня не пронять, а вот за-

ботой – да. Не нужно быть со мной джентльменом. Пожалуй-
ста.

– Нам нужна лазейка, – выдает он уже адвокатским тоном.

– Может, ну его? Никто не осудит, если мы проиграем это дело.

– Мисс Вёрстайл...

– Что, мистер Ричардс?

Он вздыхает, кидая ручку на стол.

– Ты сам сказал: он принудил к сексу несовершеннолетнюю и снял это на камеру. Что, если бы она была твоей дочерью или сестрой?

Он сжимает переносицу, на время прикрывая глаза.

– Мораль здесь ни при чем, Флоренс. Это наша работа. Она такая же, как и все другие, ты сама знаешь. – Но она не такая же, и мы оба понимаем это.

Я покидаю кабинет, сбегая в уборную, чтобы ополоснуть лицо – из зеркала смотрит бледное подобие меня прежней. Сделка с совестью. Уже несколько лет я верна своим демонам. Я верна им слишком долго, чтобы переживать, но переживаю. Что, если бы на месте этой девушки оказалась Молли? Сердце обливается кровью, когда я думаю о ней. Я прикусываю щеку. То, что я хочу, и то, что мне надо, не одно и то же, но я должна сделать то, что надо, чтобы получить то, что хочу. Порой мир слишком сложен. Жаль, я не залила флягу и не взяла с собой...

Я возвращаюсь в кабинет и усаживаюсь в кресло по пра-

вую сторону от Филла, с головой погруженного в материалы дела. Лазейки есть всегда. Вопрос только в том, получится ли их найти. Я подвигаю к себе ноутбук и включаю видео, убавляя звук, – на этот раз смотрю его без перемотки – кровать королевского размера, шелковое постельное белье (как-то я уснула на таком в отеле – одна из глупых встреч по пьяни – и проснулась на полу), спинка, обитая бархатом, прикроватные столики с изогнутыми ножками, часы в резном обрамлении на стене: одиннадцать ноль пять вечера.

Я хватаю папку и пролистываю до биографии девушки.

– Что-то нашла? – интересуется Филл.

Я буду ненавидеть себя за это до конца жизни.

– Контракт был подписан перед съемками, верно?

– Да.

– Они начали снимать двадцать четвертого апреля в одиннадцать вечера. Время видно на часах, которые попали в кадр.

Морщины на напряженном лице Филла разглаживаются.

– Я знаю, как выиграть, – говорю я, закрывая ноутбук.

– И? – он откидывается на спинку кресла, держа ручку у губ, глаза блестят в предвкушении.

– И я расскажу тебе. Но у меня есть условие.

– Какое?

– Я не стану представлять Стэнтона в суде.

Он обдумывает предложение и кивает. Я протягиваю ему папку, ткнув в строчку, где указана дата рождения.

– Это было в Лос-Анджелесе, а девушка родилась в Нью-Йорке. К тому времени здесь уже наступило двадцать пятое апреля. Значит, формально она имела право подписать контракт без разрешения родителей, а так как Стэнтон не нарушал условия, контракт действителен.

Он еще раз изучает дело.

– Да, Флоренс, это может сработать. Сильный адвокат это пропихнет.

– Я тоже так думаю.

– И у нас такой есть. – От взгляда, которым он меня награждает, становится неуютно. Неприкрытое восхищение.

– Я готова копаться в бумажках, пересматривать это чертово видео хоть сотню раз, но не выступать в суде.

– Но тебе удастся выиграть.

– Я могу защищать кого угодно, но не тех, кто связан с преступлениями против несовершеннолетних. У меня есть сестра.

– Знаю.

– И таково было мое условие. Ты согласился.

– Знаю. Но все же подумай, пока не поздно, ладно?

Филл не сдастся. Пройдет пара дней, сумма в чеке вырастет, и я соглашусь. Мы оба знаем это. И от этого мне так плохо, что я начинаю задыхаться. Мозг закипает. В спешке – запинки, ложь, оправдания, неловкая улыбка – прощаюсь с ним и выбегаю из офиса, мчусь вдоль вывесок кафе и магазинов, смешиваюсь с толпой в глупой надежде скрыться в

ней.

Измени этот пакостный, грязный, несправедливый мир к лучшему. Тебе это под силу. Мы оба знаем, что под силу.

Дома я сбрасываю туфли и достаю из холодильника бутылку виски, вливаю в себя едва ли не треть и падаю на диван, невидящим взглядом смотря в пространство. *Что я делаю? Кто я? Что я?* Алкоголь притупляет круговерть чувств, смазывает их, как свет кадр на пленке, и я, растянувшись среди декоративных подушек, проваливаюсь в дрему – меня едва не засасывает в складки, но вибрация телефона, спрятанного в ящике стола, выводит из забытья. Вскрываю как ужаленная и цепенею. Телефон – я заряжаю его каждые три дня, все еще жду чего-то – продолжает вибрировать, бьется, словно сердце человека, который давно умер. Рывком открываю ящик, на экране высвечивается незнакомый номер, отчего по спине пробегает холодок. Принимаю звонок и прижимаю телефон к уху, до боли закусывая подушечку большого пальца. Сердце бьется в горле, кровь стучит в ушах. Это ненормально. Ненормально надеяться на что-то так долго.

– Флоренс Вёрстайл? – спрашивает мужской голос.

Мне часто звонят незнакомцы – я адвокат, но не на этот номер. Натяжение немного ослабевает, хотя и не отпускает до конца.

– С кем я говорю?

– Меня зовут Кеннел О’Донахью, я священник церкви

Святого Евстафия.

Струны внутри натягиваются до предела и обрываются. Я слышала о нем, точнее, читала в письмах Питера и Джейн, но ничего толком не знаю – пыталась найти информацию и о Докторе, и о новом преподобном в интернете, но каждый раз натыкалась на целое ничего, словно Бог, судьба или иные высшие силы намеренно делали все, чтобы скрыть их секреты. Взяв себя в руки, беззвучно выдыхаю.

– Вы слишком молоды, чтобы так гробить свою жизнь. – Судебные процессы научили превращать голос в сталь, в то время как внутри все плавится от ужаса.

– Меня отправили в приход Корка после смерти преподобного Патрика. Насколько мне известно, вы хорошо знали Патрика.

– Что вам нужно?

Он на миг затихает. Я сглатываю.

– Флоренс, я вам не враг, – говорит он ровным, спокойным тоном.

Но что странно: мое имя звучит из его уст так, будто он произносит его не впервые – ему известно больше, чем мне, – фигуры не на моей стороне. За столько лет я научилась притворяться: подавлять страх, ненависть и презрение к мошенникам, насильникам и даже убийцам, но, когда речь заходит о Корке, ничего не помогает, с меня сдирают кожу – я маленькая и беззащитная, но я должна держать оборону.

– Я не спешила бы с выводами, мистер О’Донахью. У вас

есть доступ к телефону, чем не может похвастаться никто из горожан. Вы не последний человек в городе.

– Я не в Корке. Звоню из телефона-автомата.

Я молчу, позволяя ему продолжить.

– Звоню по просьбе вашей тети. Миссис Вёрстайл серьезно больна, она прикована к постели. Боюсь, осталось совсем недолго.

– Почему вы не позвонили раньше?

– Я лишь выполняю ее просьбу, мисс Вёрстайл. Джейн хочет вас видеть. Но положение плачевное.

Я крепко зажмуриваюсь и ударяю себя по лбу. Черт! Черт! Черт! Не стоило доверять человеку, который так сильно любит меня. Этим она губит себя. Губит Молли.

– Поспешите, Флоренс, если хотите застать ее последний вздох.

Он кладет трубку одним резким, отточенным движением, мол, мне плевать, приедешь ли ты, свою миссию я выполнил. Я вынырываю из-под воды, снова слышу звуки квартиры и города. Мне нужно больше информации! Нужно ли?..

Кидаю телефон на стол. Волна страха, вины, гнева и обиды вырывается наружу, и я с криком сметаю ноутбук и бумаги на пол. Кружу по комнате, как загнанный зверь, запуская руки в волосы и кусая губы – они сухие, и я чувствую металлический привкус. Ты же не глупа, Вёрстайл, так почему не сложила два плюс два раньше?

Меня бросает из стороны в сторону, точно моряка на ко-

рабле в шторм, мысли бегут наперегонки, и я лечу вниз, не в силах остановить падение. Я знала, что рано или поздно придется вернуться, но не ожидала, что это случится сегодня. Сейчас. В мареве замешательства и испуга бешено бью по клавиатуре, снова пытаюсь найти информацию о преподающем в интернете – и снова пустота. Ноль без палочки. И почему священники не ведут странички в соцсетях? Как и прежде, я нахожу только новости о стрельбе («Старшеклассник устроил резню в школе», «Очередная школьная бойня: более десятка пострадавших», «Беспощадная расправа в старшей школе»), словно после смерти Патрика Корк перестал существовать.

Да, я знала, что так будет, и все эти годы лишь ждала – ждала знака, и он снизошел до меня в виде нового преподающего. В ознобе я сворачиваюсь калачиком на диване, чтобы стать меньше, исчезнуть, испариться. Тело бьет крупной дрожью, во рту пересыхает, грудь сдавливает, но сердце продолжает бешено колотиться, грозясь разорвать грудную клетку. Упираюсь подбородком в колени, закрываю глаза в наивной попытке спрятаться от мира под краснотой век.

За три года адвокатской практики я повидала многое: жестоких преступников, предвзятых прокуроров и несправедливых судей; обшарпанные стены тюремных комнат для встреч и камеры, пропахшие потом и мочой. Но это ничто по сравнению с Корком. Будь я умнее, покончила бы с собой. Если бы не Молли, я давно покончила бы с собой...

Когда паническая атака отпускает, я хватаю с пола бутылку виски, отпиваю, а после набираю Филла.

Я возвращаюсь в место из собственных кошмаров спустя шесть лет.

Я возвращаюсь в Корк.

Корк встречает меня промозглым ветром и противной моросью – у него нет иных способов сказать, что мне здесь не рады. Я выучила его язык, но всегда иду наперекор. Когда-нибудь это погубит меня.

Ранее пустующие поля, тянущиеся на мили вдаль, теперь засеяны пшеницей. Яркими пятнами по полям разбросаны маленькие сарайчики – я почти ощущаю запах дерева, из которого они построены, и сена, которое в них хранится. Их не было раньше. Глушу мотор и выхожу из машины. Тишь и простор. Обвожу глазами море пшеницы, волнами уходящее до самого горизонта, – в городе, среди серости бетона и стекла, такого не увидишь, – я словно приземлилась на другой планете. Вдалеке мычат коровы. Свежесть дождя навечно смешалась с дурманящим запахом навоза.

Центр города, если в отношении Корка можно так сказать, окончательно превратился в призрак, тень себя прежнего, и напоминает финальные кадры фантастического фильма, где все население в одночасье подкосил опасный вирус. Руки невольно сжимаются на руле – я замедляю скорость. Кто знает, какие монстры могут выскочить из-за угла.

Окна магазинов и единственного кафе под названием «Пирожки» плотно заколочены, но здания не заброшены. Заглядываю внутрь сквозь щели в досках – судя по всему,

эти помещения используют для хранения хозяйственного инвентаря и старой мебели. Вывески и другие знаки, свидетельствовавшие о наличии былой жизни, бесследно исчезли. Где-то вдали ветер раскачивает железные ставни – скрежет постепенно утихает, но, когда ветер усиливается, звук приближается, чтобы поглотить меня.

Дома, ранее отгороженные друг от друга заборами, словно стали ближе, вместе скрываются за густой кроной деревьев. Ветер колышет бельевые веревки и треплет заботливо подстриженные кусты. Жалобно скрипит флюгер. Дома потускнели, будто на них наложили неудачные фильтры, фасады покрылись заметными трещинами. Опоры линий электропередачи остались как напоминание о прошлом – проводов на них нет – город обесточен. Раньше в вывеске «У Барри» не горело «у», теперь вывески нет вовсе. Интересно, что с ним случилось? Надеюсь, он жив...

Глушу мотор у дома с фиолетовой крышей. Все еще помню, как приехала сюда – семнадцатилетняя Фло Вёрстайл, – хотелось бы забыть. Прикрываю голову ветровкой – дождь усилился, забегая на крыльцо.

Когда дверь открывается, на меня смотрят огромные круглые глаза. Они повзрослели, и то, что читается в них, пробирает до костей. Язык становится сухим и тяжелым, в горло словно запихали вату.

– Молли...

Она сводит брови к переносице и поджимает губы, а по-

сле уносится наверх, не сказав ни слова, – раздается смачный хлопок дверью, как пощечина. Безухий Август одаривает своим фирменным взглядом в стиле «явилась не запылилась» и поднимается вслед за Молли. Он ни капли не изменился: все тот же пушистый хвост и глаза разного цвета: правый – карий, левый – голубой. *Ненавижу этого кота!* Ветер проникает в дом, открывая дверь нараспашку, а я не в силах пошевелиться: опустошенная, униженная, брошенная. Едва ли я способна представить, что чувствует в этот миг она. Меня затягивает в болото, в темноте дома ширятся и разрастаются силуэты, приближаются, чтобы утянуть меня. Сонный паралич наяву.

Из кухни выходит Роберт. Его лицо, подсвеченное тусклым светом свечи, осунулось и побледнело, изрезано временем и тяжким трудом, голубые глаза совсем потеряли цвет. Отец и раньше не отличался эмоциональностью, но таким я вижу его впервые: выпотрошенное пугало. Его вид окончательно обезоруживает меня.

– Замерзла?

Он подталкивает меня в дом и закрывает двери.

– Последние дни в Корке не задались, льет как из ведра. Никто не может толком работать... – начинает он как ни в чем не бывало, будто я выбегала за покупками на часок.

– Как она?

Он резко умолкает, теряется, словно не понимает, о ком речь.

– Джейн.

– Она наверху. Хочешь чаю?

Я влетаю на второй этаж, пренебрегая всеми проявлениями гостеприимства, на ходу снимаю ветровку и кидаю ее на пол у двери. В спальне в нос бьет запах каких-то трав, воздух спертый и удушливый, на прикроватном столике покоится лишь стакан и глубокая чаша с водой – ни армии флакончиков, ни таблеток – ничего из того, что ей в самом деле нужно. Джейн, тоненькая и обессиленная, лежит под покрывалами почти серая, как застиранная простыня. Я опускаюсь на колени у кровати и беру ее исхудавшую руку в свою. Ее глаза закрыты, но она не спит. Время от времени веки дергаются, изо рта вырываются приглушенные стоны и слова, которые я не в силах разобрать.

– Почему ты не сказала? Почему не сказала мне? – шепчу я, прижимая ее ладонь к губам.

– Я хотела для тебя хорошей жизни...

Поднимаю взгляд, уставившись на бесцветное лицо и сухие потрескавшиеся губы.

– Рак?

– Да.

– Я могла вылечить тебя. Если бы ты сказала, если бы только позволила позаботиться о тебе.

– Вылечить? У нас нет денег...

– Я отдала бы все, что у меня есть.

– Тебе это нужнее, чтобы сбежать... из этого места.

Она надолго затихает, в груди у нее все хрипит при малейшем вдохе – жерло вулкана. Я подаю ей стакан с водой, но она отмахивается и заходится в затяжном кашле.

– У тебя есть деньги? Есть где жить?

– Да, не беспокойся ни о чем.

– Это хорошо. – Она пытается сжать мою руку, но получают легкие поглаживания. – Забери ее как можно скорее. Заберешь?

– Да.

– Что бы ни случилось, забери ее. Прошу, забери. – Притаившаяся в уголке глаза слеза сбегает по виску и исчезает в поседевших волосах. Я помню ее иной, помню темные волосы и выделяющиеся на их фоне умные серые глаза с зелеными крапинками. Помню ее шестилетней давности. Это больно.

Утерев мокрую дорожку, целую ее в лоб.

– Это моя последняя просьба.

– Джейн, я обещала. Я обещаю.

Сжимаю ее руку, чтобы придать сил, и впиваюсь ладонью в кольцо на руке. То самое кольцо с зеленым демантоидом, которое я пыталась забыть. Она нашла его. Носит его.

– Зачем? – спрашиваю я, проводя по гладкому камню.

– Оно принадлежало ей.

– Знаю, потому и спрашиваю.

– Я думала, оно потерялось... – Как и мама.

– Оно было у меня. Она оставила его, перед тем как уйти.

– Возьми его. Возьми, оно мне больше не нужно.

Я не хочу его видеть, не хочу о нем знать, но и спорить с умирающей – тоже. Снимаю кольцо с исхудавшего пальца и надеваю на свой. Цвет камня напоминает цвет глаз Патрика в яркий солнечный день – у меня такой же. Думала ли мать об этом, когда оставляла его?

Джейн пытается что-то прохрипеть, жмурится, из глаз катятся слезы.

– Мне так страшно, Флоренс. Так страшно. Я не хочу умирать... я хочу видеть, как растет моя дочь...

Внутри все переворачивается от этой искренней, но безнадёжной мольбы, и я часто моргаю, выпиваю воды, чтобы не разреветься у ее постели.

Роберт заходит в комнату и ставит поднос с двумя чашками на прикроватный столик.

– Вколи ей что-нибудь! Разве не видишь, как она мучается?

– У нас ничего нет.

– Почему? У тебя в доме человек, умирающий от рака, должны же быть... Черт! – Я всегда знала, что он не любит ее и на сотую долю того, как любил мою мать, не любит так, как она заслуживает.

– Я напою ее чаем, после чая ей полегчает. – Он приподнимает ее, взбивает подушку, садится рядом на кровать и поит с ложки чаем. Это выглядит так бессмысленно, так глупо, словно он пытается вычерпать воду из лодки, которая уже

опустилась на дно.

Я хватаю свечу и начинаю метаться по комнате в попытке найти лекарства: заглядываю в шкаф, во все ящики – их содержимое гремит и шуршит; переворачиваю вверх дном все полки в ванной. Это не поможет, но застой губителен – я умру, если буду стоять на месте.

– Что ты делаешь? – спрашивает Роберт, когда я возвращаюсь в спальню.

– Ищу то, что ей поможет.

– В доме нет лекарств. Это запрещено. И машина... Спрячь ее, ключи от гаража...

– Что? Что значит «запрещено»?

– Только Бог решает, когда и кому умирать.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не замахнуться на него, не запустить в него свечу, но из груди Джейн вырывается стон, и мы на время забываем о споре.

– Ты обращался к Доктору? У него же наверняка должно что-то быть.

Роберт слабо качает головой.

– Что? – взрываюсь я. – Не обращался или ничего нет?

– У него ничего нет, кроме бинтов и трав. Он дал мне немного для чая...

– Что это за врач такой?

От бессилия я поправляю подушку и одеяло, тщетно пытаюсь обеспечить Джейн комфорт, который ей никогда не будет доступен. Мысли с бешеной скоростью крутятся в голо-

ве: что, если вернуться в город и добыть лекарства? Я могу позвонить кому-нибудь. Но кому? Тут помогут только сильнотействующие наркотические аналгетики вроде морфина, но никто не даст их без рецепта. Я растекаюсь лужицей у кровати, продолжая хвататься за тонкие, как веточки, руки Джейн.

– Почему ты не сказал мне?

– Она запретила.

– С каких пор ты делаешь то, о чем тебя просят?

Лицо Роберта странно искажается – он не думал об этом прежде, давно не думал о жизни вне Корка. Или ему помогли не думать?

– У нас нет телефонов, а письма не доходят до адресатов из внешнего мира. Такова воля Господа. Внешний мир опасен. Так говорит Доктор.

– Да что с тобой? Ты жил во внешнем мире бóльшую часть жизни и был всем доволен.

– Не был. – Глаза Роберта стекленеют, мутнеют пуще прежнего, лицо – гипсовая маска, неживое, искусственное, точно я веду беседу с ростовой куклой.

– За последние годы я стал ближе к Богу. Я чувствую его, и мне легче. Я отдаю свою судьбу и ее судьбу в его руки.

– В чьи руки? Бога или Доктора?

Роберт не отвечает – я и не жду ответа, хватаю полотенце и смачиваю его в чаше с водой, протирая вспотевшее лицо Джейн.

– Когда случился рецидив? – спрашиваю я деловым тоном.

– Четыре месяца назад. Она упала в обморок на службе. Начала кашлять кровью... Мы обратились к Доктору, но он сказал, что на все воля Господня. Мы молились за нее в церкви всем приходом, но такова его воля...

– Его воля может поцеловать меня в задницу. И ваш Господь, и Доктор тоже! – Я вскакиваю, кидая в него полотенце. – Ты не представляешь, как я сейчас тебя ненавижу.

Роберт до безобразия спокоен, давно смирился с необратимостью судьбы. *К черту судьбу! К черту их всех!*

Он берет полотенце и как ни в чем не бывало проводит по лбу Джейн.

– Вчера приходил отец Кеннел, молился за упокой ее души. Джейн всегда так радуется ему...

– Преподобный? И часто он приходит?

– Да. И Доктор тоже. Их присутствие облегчает ее боль.

Я обессиленно падаю в кресло у окна, все еще прокручивая в голове тревожные мысли, но все это похоже на колыбель Ньютона: бесполезный двигатель – я не знаю, что делать, впервые за столько лет я не знаю.

– Как Молли с этим справляется?

– Мэри... она держится. Молитвы придают ей сил.

Он протирает побледневшие конечности Джейн, касается ее, но смотрит сквозь нее, сквозь меня. Он не здесь – я даже не могу на него злиться. Понятия не имею, кто этот человек

и что сотворил с ним город.

– У нее это с детства: благоговение перед Всевышним, – припоминает он.

– Я увезу ее.

Он не отвечает, продолжая монотонные неспешные движения.

– Слышишь? – я подаюсь вперед. – Роберт, я увезу ее в Нью-Йорк. Соберу вещи, посажу в машину, и мы сегодня же покинем город и никогда не вернемся.

Он долго молчит, так долго, что кажется, он уже не ответит.

– Ты заберешь ее от умирающей матери? – На переносице залегает глубокая морщина.

– Джейн хочет этого.

– В ней говорит болезнь.

– Она попросила меня об этом еще очень давно.

– Но тогда не было общины, а теперь есть, и Мэри – ее часть, она любит ее.

Я поднимаюсь на ноги.

– К черту вашу общину, Роберт. И тебя к черту.

Пыл, злость и уверенность улетучиваются и обращаются в прах, когда я стою у двери Молли, не в силах постучать, прислушиваясь к тишине в комнате. Ни вздохнуть. Робость, оцепенение, страх – столько лет мы провели вдали друг от друга, столько лет она боролась в одиночку.

Я встречала десятки, если не сотни очень плохих и опасных людей, но они не пугали так, как взгляд сестры – безжалостный, холодный, чужой. Какая она теперь? Кто она теперь? Ей тринадцать – самый трудный возраст: не ребенок, но еще и не взрослая, и я понятия не имею, как с ней ладить. Я едва помню себя в этом возрасте – настолько травматичный период, что я невольно вытеснила его из памяти, сохранив лишь яркие обрывки. С тех пор как мама ушла от нас, я старалась не запоминать новые дни в страхе забыть старые. Я до сих пор помню, как она бродила призраком по кухне и проливала кофе на стол, как возвращалась с покупками, закрывая дверь ногой. Ее улыбку и морщинки вокруг глаз...

Стук раздается в тишине, словно удар топора. Никто не открывает, и я не вхожу, жду – не хочу врваться в ее пространство, я уже ворвалась в ее дом. Наверное, он никогда не был моим. Раньше я не стучала, прежде чем войти в комнату Молли, и ее не приучила. У нас не было секретов. Она вбегала в комнату с рисунками, которые рисовала для меня,

и спрашивала, можно ли войти, а я отвечала, что она уже вошла. Эти воспоминания греют душу, держат меня на плаву даже спустя столько лет.

Дверь так и не отворяется. Я стучу еще раз, настойчивее, и, не дожидаясь ответа, все же вхожу. Молли стоит на коленях, облокотившись на кровать, и беспрестанно молится распятию, висящему над изголовьем, – раньше его не было, теперь все бесцветное, выхолощенное, лишенное индивидуальности – ни рисунков, ни покрывала с Эльзой и Анной, ни карандашей, разбросанных по столу, ни ярких свитеров, подмигивающих рукавами из шкафа.

Она ощущает мое присутствие – ее плечи вздрагивают. Ей тоже страшно. Она знает, что такое потеря, и знает, что потеряет мать. Это может раздавить ее. Меня в свое время раздавило.

– Поговоришь со мной?

Вместо нее отвечает Август: злобно шипит и встает на дыбы – не похоже, что он рад меня видеть. Роль лучшего друга Молли теперь принадлежит ему, впрочем, как и кровать.

– Ты можешь рассказать мне все, что пожелаешь.

– Мне некогда. Мама умирает. Йенс говорит, что такова воля Господа, а отец Кеннел – что после смерти она не будет чувствовать боли, потому что попадает в лучший мир. Я молюсь, чтобы она попала в лучший мир.

– К сожалению, от нас это не зависит.

Она резко оборачивается, взгляд ее полон презрения и

злости.

– Зачем ты здесь?

– Приехала за тобой.

Я делаю шаг.

– Твоя мать хочет, чтобы ты уехала, чтобы мы уехали.

– Я не поеду.

– Мы будем вместе. Навсегда-навсегда.

– Нет.

– Мы должны ехать прямо сейчас.

– Ты оставляешь всех, но я не ты и не оставляю маму. Я нужна ей.

– Молли...

– Я уже слишком большая для этого имени.

– Ты никогда не будешь слишком большой для меня.

Еще шаг, но она вздрагивает, и я отступаю – не могу подорваться на этом минном поле. Все так зыбко – я провалюсь под землю, если совершу хоть одно неверное движение, меня разбросает кровавыми пятнами по стенам.

– Я уже не ребенок. И меня зовут Мэри. Ты знала бы это, если бы не бросила нас.

– Я никогда не бросала вас. Все, что я делала, было ради тебя.

– Ради меня? – Она вскакивает на ноги. – Ты бросила меня! Мне было всего семь, и ты меня бросила.

Внутри все обрывается от того, как она говорит это. Я прикусываю щеку, чтобы не закричать. Будь она взрослой,

будь она чужой – я обратила бы все в свою пользу, разгромила аргументами, оставив поверженной, но я не могу причинить ей боль и использовать логику. Работа превратила меня в робота, в машину, настроенную на поиск выгодных, быстрых и точных решений, лишенных эмоций. Все мои инструменты бессильны, я словно пытаюсь зашить дырку ножом.

– Твои письма, звонки, подарки – жалкие подачки. Думаешь, этого было достаточно? Думаешь, для меня достаточно?

– Нет, недостаточно. Но только так я могла показать, что люблю тебя больше всего на свете.

– Где ты была все это время?

В голове столько ответов, но я не могу их произнести. Гарвард, деньги, связи – прочная стена, которую я выстраивала вокруг себя годами, рассыпается на тысячи частей, не в силах держать оборону перед вопросом маленькой беззащитной девочки.

– Где ты была, когда мне было плохо, когда маме стало плохо?

– Да, ты права, я уехала, но не ради себя. Чтобы жить в том мире, нам нужны деньги, и я делала все, чтобы ты ни в чем не нуждалась, вернувшись в него.

– Может, мне не нужен тот мир? И ты мне не нужна! Это мой дом – я останусь дома.

– Это место тебе не дом. Оно никому не дом. Дом там, где тебя любят.

– Здесь тебя все любили, но ты уехала. Оставила меня. Оставила нас, когда мы больше всего в тебе нуждались.

Я выдыхаю и сжимаю руки в кулаки, чтобы сдержать подступающие слезы.

– Знаю, ты злишься. Ты имеешь на это право. Но я делала все, чтобы спасти тебя. А теперь хочу, чтобы ты поехала со мной в Нью-Йорк – это огромный город, полный возможностей. Мы будем есть мороженое хоть каждый день, сколько пожелаешь, рисовать, ходить в парк, в кино и...

– Мне уже не шесть!

– Но нам будет все так же хорошо вместе.

– Доктор говорит, что внешний мир не такой, как этот, что он опасен, греховен. Там никто не верит в Бога – только в деньги.

– У Доктора тоже есть деньги, иначе у него не было бы такой власти.

– Эту власть ему дал Господь. Йенс не жаждал ее – Бог сам его выбрал. Он любит мир и людей. И Бога! В отличие от тебя.

– Я больше не оставлю тебя. Обещаю. – Делаю шаг. – Твоя мать тоже этого хочет, она просила меня об этом.

– Не прикрывайся ее желаниями. Ты не имеешь права. Она отворачивается, встает на колени и складывает руки.

– Хочу помолиться.

– Я не договорила, Молли.

– Я – да.

– Я буду внизу. Спустись, когда будешь готова продолжить разговор.

В этот вечер из комнаты она так и не выходит.

Джейн перестает дышать на рассвете, через три дня после моего приезда – ей было сорок семь лет. Перед смертью она просила спасти душу Молли. Я должна исполнить ее волю и готова к этому любой ценой, но ее никто не назначает – Молли со мной не разговаривает. Она постоянно молится. Это хорошо – помогает не впасть в отчаяние, а может, плохо – ненормально, когда тринадцатилетний ребенок так стойко переносит смерть матери.

Моя машина спрятана от чужих глаз. Я такая же: спрятанная и похороненная под воспоминаниями, что оживляет в памяти дом с фиолетовой крышей. Ночь перед похоронами я провожу без сна, лежу, прислушиваясь к звукам старого дома. Скрип говорит со мной... Мне снова восемнадцать, и Сид Арго стучит в окно. Его рыжие волосы кажутся темными во мраке спальни, но веснушки – его лицо освещает лунный свет – я вижу. Гарвард, Нью-Йорк, Доктор, смерть Джейн – все это безумный сон, иллюзия, бред. Молли все еще любит меня, Джейн дышит здоровыми легкими. Сид дышит.

– Мне приснился кошмар. Такой ужасный кошмар... – шепчу я в объятиях Сида Арго.

– Это всего лишь сон, – отвечает он и целует в висок.

Его дыхание, его бьющееся сердце, его запах... Я ему верю. Хочу ему верить.

Не в силах больше крутиться с одного бока на другой, я выхожу на крыльцо. Светает. Небо затянуто дымкой, но дожди уже прекратились – днем будет тепло. Роберт возвращается домой с ведрами воды, они скрипят при малейшем движении.

– Тоже не спится? – спрашиваю я.

– Нам нужна вода, чтобы приготовить завтрак.

– Помочь?

– Я справлюсь, – на самом деле он говорит: «Я хочу побыть один». Не могу винить его в этом.

Прежде чем отправиться в церковь на панихиду, мы пытаемся позавтракать. Роберт произносит молитву:

– Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые по благодати Твоей вкушать будем, и даруй, чтобы все люди имели хлеб насущный. Просим Тебя через Христа, Господа нашего. Аминь.

Но овсянка давно остыла – никто не притрагивается к еде. Молли сидит, невидящим взглядом уставившись в пространство. Три последних дня она провела у тела матери. Вдруг раздается стук в двери, и Молли переводит вопрошающий взгляд на отца.

– Иди.

Она молча выходит из кухни, а я собираю нетронутые тарелки, чтобы заняться полезным делом. Воды в кране нет, а та, что в ведрах, холодная, и использовать ее нужно с умом – хоть в чем-то аналитика приходится кстати. Краем глаза

вижу, как в проходе появляется черный костюм, и, повернув голову, встречаюсь взглядом... с Сидом. Сердце замирает. Срываюсь с обрыва. Тарелка выскальзывает из рук и с грохотом ударяется о раковину. Вода расплескивается. Сердце колотится в горле – я несусь напрямиком в бездну.

Питер Арго не моргая смотрит на меня – тоже стремится вниз по спирали. Он сильно вытянулся и стал на голову выше меня, хотя каких-то пять лет назад не дотянулся бы и до верхней полки кухонного шкафа. Лицо сузилось, волосы посветлели – выгорели на солнце – и приобрели отчетливый рыжий оттенок, глаза все те же – понимающие и умные – глаза брата, и сейчас они изучают меня, словно видят впервые. Он вырос, и теперь сходство с Сидом такое разительное, такое болезненное и явное, что я едва не вскрикиваю, увидев его в проходе.

– Отец, к нам пришел Питер.

– Вижу.

– Можно нам вместе посидеть в гостиной?

– Можно, раз уж он пришел.

Они уходят, но стены продолжают нестись вокруг, я опираюсь на раковину в попытке унять сердцебиение. На миг перед глазами все плывет, и я теряю способность видеть и слышать – зловещий вакуум.

– Питер Арго, – доносятся до меня слова Роберта. *Будто я могла его забыть.*

Что, если Пит тоже возненавидел меня? Прошло два с по-

ловиной года с тех пор, как я получила его последнее письмо – в его возрасте это целая вечность. Я должна выйти, поговорить с ним, но не нахожу в себе сил, вместо этого протираю стол и перемываю всю посуду. Снова протираю стол. Руки коченеют от холодной воды. Перекладываю полотенца, вытираю руки, переставляю тарелки, укладываю ложки в ящик – занимаю себя чем угодно, лишь бы не слышать, не видеть, не думать.

На панихиду мы отправляемся вчетвером в напряженной тишине.

В церкви Святого Евстафия я, Молли и Роберт устраиваемся в первом ряду, как и положено родственникам. Пит со своим отцом – в третьем. Я ищу глазами миссис Арго – заботливую, добрую, любящую миссис Арго. Даже при мысли о ней по телу разливается тепло. Однако ее нет. У алтаря покоится скромный гроб из дерева, не покрытый ни краской, ни лаком. Патрика теперь тоже нет.

В тот день, когда я сидела здесь впервые, я чувствовала себя так же: чужой. В тот день, когда прощалась с Сидом Арго, я чувствовала себя так же: разбитой. Но раньше я умела выбираться из тела, как из ящика, заколоченного со всех сторон. Душа взмывала под сводчатый потолок и уносилась прочь. Сегодня мне это не удастся. Может, потому что душа мертва?

Среди серых лиц я вижу знакомые. Ленни Брэдсона, судя по бескровному и серьезному лицу, одолевают тревожные

мысли, когда он усаживается во втором ряду.

Лицо Тома Милитанта, как я и полагала, почти не изменилось: все те же мудрые глаза, которые смотрят на мир из-под чуть опущенных век. С ним и его теткой, миссис Тэрн, сидят девушка и мужчина, видимо, ее отец – одни и те же глаза. Она едва младше Тома, так молчалива и скромна, что ему неловко даже сидеть рядом с ней, – это очевидно по тому, как он старается смотреть на кого и что угодно, кроме нее. Когда наши глаза встречаются, он узнает меня и поджигает губы в кротко-дружественной улыбке. Я отвечаю ему тем же. Мы не друзья, но у нас есть общая тайна – мы навсегда ею связаны.

Появление Доктора вызывает заметное оживление в зале. Словно Моисей, раздвинувший воду, он ступает по проходу, и люди встают, приветствуя его.

Он протягивает руку Молли, и она целует ее, а после падает в его объятия. Мое сердце пронзает стрела, по телу пробегают дрожь. Я не могу вспомнить, когда последний раз кто-то дотрагивался до меня. *Это должна быть я!* Я должна успокаивать ее, прижимая к груди. Я должна целовать ее макушку. Я. Потому что не осталось никого, кто любил бы ее так же сильно, как я. Мне приходится приложить нечеловеческие усилия, чтобы не оттолкнуть Доктора от Молли.

Он ни капли не изменился, не постарел, даже будто бы стал моложе. Он по-отечески целует Молли в лоб и что-то шепчет ей на ухо. Во времена Патрика его бы разорвали на

части за такое обращение с чужим ребенком, но теперь все иначе – они доверяют ему. Она доверяет ему так же, как когда-то мне.

– Такова судьба, дитя мое. Не принимать пути Господа – большой грех.

Он проводит рукой по ее щеке, утирая слезы, и позволяет вернуться на скамью, а после садится рядом с женщиной примерно его же возраста. Кто они друг другу? Слишком похожи и могут быть братом и сестрой, но даром говорят, что в долгом браке супруги настолько сливаются, что становятся почти одним человеком.

Доктор всколыхнул прихожан – повсюду слышатся шепотки, однако, как только появление преподобного становится очевидным, гул и шорох тут же стихают. Все садятся на места. Воцаряется полный порядок. Преподобный мягко кивает Доктору – они заодно.

Какое-то время преподобный позволяет своему присутствию говорить гораздо громче слов. Я невольно сажусь прямо, вытягиваюсь, как струна. То ли от потрясения, то ли от удивления, то ли от замешательства – то ли от всего сразу – сердце быстро, гулко колотится в груди. Мне физически больно. Подозрение и неверие заставляют оглядеться в поисках настоящего преподобного, потому что тот, что стоит у алтаря, не похож ни на одного священника из тех, что я видела. Но его одеяние... Это точно он. Но как мужчина, оставивший все мирское и посвятивший себя Богу, может быть

таким... чувственным?

Прежде чем начать, он скользит глазами по прихожанам и задерживается на мне долгим намеренным взглядом – внутри все скручивается, сжимается в тугой узел. Мне не нравится, когда так смотрят, точно щупают, но я не в силах ни моргнуть, ни вздохнуть полной грудью.

Он начинает с приветствия и молитвы. Голос, тот самый, что я слышала в трубке, глубокий и звучный, эхом проносится по залу, забираясь в каждый уголок церкви Святого Евстафия.

Его твердая уверенность, сила и стать обезоруживают до такой степени, что я замираю, и спустя минуту, две, пять все еще не способна пошевелиться. Прежде всего такое впечатление он производит из-за роста: в нем, наверное, не меньше шести с половиной футов¹³. Преподобному, как я и подумала после разговора, слегка за тридцать: выразительное лицо выглядит молодо, но глаза таят опыт, не свойственный человеку его возраста. В простом белом одеянии с фиолетовой лентой, перекинутой через шею, он более представительный и властный, нежели любой бизнесмен, которого я защищала в суде. Все в нем мягкое, подобное воде, – он может принимать любые формы, и одновременно суровое – стоическое спокойствие. Клянусь, он не вздрогнул бы, даже если бы крест за его спиной разнесло в щепки. *Он божество*. Он не похож ни на что, созданное человеком, это существо дья-

¹³ 198 см.

вольски порочной красоты, и я не удивилась бы, узнав, что сам Господь, которому он служит, побаивается его.

– Вечный покой даруй усопшим, Господи, и да сияет им свет вечный. Да покоятся в мире. Аминь. За умершего после продолжительной болезни...

Захоронение на кладбище церкви Святого Евстафия происходит все в тех же молитвах за упокой души. Я истекаю болью. Все зудит, как сломанная рука в непогоду. Пытаюсь прильнуть к Молли, взять за руку, обнять, чтобы поддержать ее и чтобы она поддержала меня, как было в те годы, которые она едва помнит. Но она не поддается, отстраняется, закрывается от меня, пытается вести себя как взрослая. Чужая. Отдаляется, как делала я, когда нас оставила мать, чтобы наказать ее, причинить боль, унижить – в ту пору я считала, что она это заслужила. Наверное, я тоже.

Я это заслужила.

Но я не моя мать, и даже отвращение Молли меня не остановит. Сида больше нет, Патрика – тоже. Ничего нет. Деньги, связи, амбиции и перспективы, которые подарил внешний мир, ничего не значат без Молли, потому что я добилась этого ради нее, а она теперь совсем чужая.

Молли всегда была моей целью и средством, надеждой и смыслом. Ее благополучие, здравый рассудок, счастье... Способна ли я, алкоголичка с непомерными карьерными амбициями и склонностью к самоповреждению, воспитать достойного человека? Думаю, моя любовь окупит недостатки с

лихвой. Если только она позволит увезти ее отсюда, я стану лучшей сестрой на свете, отдам все, что у меня есть. Но как убедить ее, когда она так отдалилась и привязалась к людям, которые не пожелают ей того же, что и я? Которые не отдадут за нее жизнь, как сделала бы я. Моя жизнь. Она ничего не стоит. Никогда не стоила.

– Мне очень жаль, Роберт, – говорит Прикли, когда люди вереницей покидают кладбище. Тот не воспринимает слова всерьез, однако из уст Нила они звучат искренне, ведь он не понаслышке знает, что значит потерять женщину, которую любишь больше жизни. И пусть он говорит это лишь сейчас, он знает, что Роберт потерял ее много лет назад.

Прикли – удивительный человек. Я испытываю к нему невообразимый и не до конца понятый спектр чувств: уважаю его, боюсь, жалею и в то же время люблю. Он один из немногих, в чью голову я бы с охотой проникла – парк аттракционов, пребывание в котором может стоить мне жизни, но я бы рискнула. Когда мы встретились, я была ребенком, а он мужчиной в расцвете сил, и я до сих пор недостаточно взрослая, чтобы помочь ему вернуться к тому Прикли в вельветовой рубашке, который требовал собственных мыслей в сочинении по «Гамлету».

– Я не видела тебя в церкви, – говорю я, когда мы проходим в сером мареве в глубь кладбища.

– В последнее время я и без того бываю там слишком часто. Тебе понравилось прощальное слово?

– Преподобный был достаточно убедителен. – При его упоминании немеют руки и невольно подгибаются пальцы на ногах. Но какая разница, что ощущает мое тело, – я подавляю это разумом. – Он тебе не нравится, верно?

– Мне никто не нравится. – Лукавый взгляд под стеклами очков заставляет улыбнуться, но улыбка быстро сползает с лица.

– Неправда.

Он тяжело выдыхает и останавливается, проводя рукой по волосам, тронутым сединой.

– Почему ты здесь, черт возьми? Скажи, что из-за Джейн.

– А раньше ты не подсказывал ответы, – грустно усмехаясь я. – Я здесь из-за сестры.

– Когда уедешь?

– А ты?

Он смотрит исподлобья. Мне не победить в этой схватке. Я виновата. Виновата в том, что не оправдала его ожиданий. И ожиданий Патрика.

– Я вернулась за Молли. Ты знал, что это неизбежно.

– Почему вы не уезжаете, Флоренс?

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

– Когда вы уедете?

– Не знаю, Нил.

– Я серьезно. Ты приехала на машине?

– Да.

– Тогда садитесь в нее – и по газам. Пока не поздно.

– Молли не хочет уезжать.

– Не хочет уезжать, – копирует он мой тон.

– Как прикажешь это сделать, если она не смотрит на меня, не говорит, не замечает, будто меня не существует? Она любит это место так, как никогда не любила меня. Молится на распятие и святость Доктора, которого только и слушает. Он приказывает ей целовать руку, и она целует. Молиться – и она молится. Не плакать по матери – и она не плачет...

– И что, будешь потакать подростку, ничего не знающему о жизни?

– Здесь я чувствую себя так же – словно ничего не знаю о жизни.

– А я тебе расскажу! Мужчины работают в поле и на ферме, а женщины обслуживают тех, кто работает в поле и на ферме. По вторникам мы собираемся в пристройке за церковью, где наказываем неугодных и молимся за общину, а по воскресеньям – в церкви. Я учу детей. С первого класса по восьмой... – Он замолкает, позволяя осознать сказанное. – С первого по восьмой, Флоренс. Учю счету, чтению, письму и основам геометрии.

– Не понимаю...

– Знаешь, что такое однокомнатная школа? Все девочки с шести до четырнадцати сидят в классе Тэрн, мальчики – у меня. Чтобы не дай бог между ними вдруг не осталось столько места, чтобы не поместился и Святой Дух. Я пытаюсь научить детей тому, что пригодится в жизни фермера, тому, о

чем я ни черта не знаю. История, литература и физика теперь лишь слова, и другие учителя сбежали, поняв это. – Он выдыхается и на миг замолкает. – После восьмого класса обучение заканчивается. Мальчики идут с отцами работать в поле, а девочки остаются с матерями дома. В Молли есть потенциал – такой же, как был в тебе, но здесь это не имеет значения. Полки в школьной библиотеке пустуют – художественная литература и невыгодные учебники под запретом, – а те, что заняты, переполнены религиозным бредом, который не расскажет подросткам о жизни вне общины. Голова Молли забита церковью, пением в хоре, работой в женском доме и будущим замужеством – тем, чтобы стать хорошей женой человеку, которого выберет ее отец. Этого ты для нее хочешь?

– Не хочу.

– Этого ты хочешь? – уже настойчивее спрашивает он.

– Нет.

– Тогда ты знаешь, что делать.

– Если увезу ее насильно, то потеряю.

– Если не увезешь, тоже потеряешь.

– Я не знаю, что делать, Нил.

– Черт возьми, Вёрстайл, ты закончила Гарвард – придумай что-нибудь.

Я прикусываю губу, пытаюсь подавить слезы.

– Ты же хороша в поиске лазеек, так найди их.

– С чего посоветуешь начать?

– Ты и сама знаешь ответ на этот вопрос.

– Доктор. Что с ним?

– Не советую принимать пищу в его доме.

– Что он делает?

Он подходит ближе, поворачиваясь спиной к церкви.

– Не знаю, как объяснить...

– Вы учитель английского, мистер Прикли, найдите слова.

– Он приглашает в свой дом как радушный глава общины, кормит и поит, а потом... вы оказываетесь наедине, и, что бы он ни спросил, ты говоришь правду.

– Что-то вроде гипноза?

– Возможно.

– Но если не пить, то есть вероятность, что не сработает?

– Не знаю, Флоренс. Я не знаю.

– А если не пойти?

– Такого варианта нет.

– Думаешь, это реально? Вскрыть его схему.

– Даже если вскрыешь, никто не поверит. За последние шесть лет он провел сотни, если не тысячи таких ужинов, промыв мозги до основания.

– Но тебе нет.

– У него давно на меня зуб, но это уже вошло в привычку – я как надоедливая муха: он не догоняет меня, но особо не пытается – не верит, что я представляю серьезную угрозу.

– Так почему он точит на тебя зуб?

– Я отказался от того, что он предлагал.

– От чего же?

– От того, чего я больше всего желал.

Он устремляет взгляд вдаль. Чего он желал... Единственное, чего он всегда желал, – вернуть жену к жизни.

– Но как?

– Те, кто получает желаемое, не распространяются. Время от времени они посещают его кабинет, где он дает им то, что нужно.

– Что – это?

– Не знаю.

– Как же ты отличаешь их от остальных?

– Загляни в глаза отчиму.

– Этот стеклянный взгляд?

– Отрешение от мира.

– И сколько вас таких – несогласных?

– Не скажу.

– Не веришь мне?

– Не верю Доктору. Если ты решишь остаться, он пригласит тебя на ужин. И кто знает, что ты ему выболтаешь.

– Так что мне делать?

– Не борись за Корк. Разрушь авторитет Доктора в глазах сестры и убирайтесь отсюда.

– Думаешь, она поверит?

– Сделай так, чтобы поверила. А пока не поверит, не высовывайся и не отсвечивай. Для твоего же блага.

– В Корке мне это никогда не удавалось.

– Придется приложить немалые усилия. Скорее всего, по-

требуются большие жертвы.

– Я умру за нее, если нужно.

– Не давай таких обещаний, Флоренс, – Сид уже совершил эту ошибку. Он не знал, что Корк воспринимает подобные обещания всерьез.

Смерть Джейн не становится потрясением для Корка. Дожди заканчиваются, и горожане возвращаются к работе. Мужчины – в поле, женщины – в женский дом. Теперь в Корке все подчинено строгому порядку: подъем с рассветом, скудные приемы пищи, тяжкий физический труд. У каждого свое место, которое определяет Доктор – староста, мудрец, наставник и божество, – его авторитет нерушим. Он был избран Господом, чтобы управлять общиной, и будет делать это до последнего вздоха.

В холщовой рубашке, покрытой давно не отстирывающимися пятнами, в брюках, вытянутых на коленках, – они велики ему, он сильно исхудал, – Роберт выглядит как фермер из прошлого, стеклянный взгляд выдает покорного раба. Он закатывает рукава, открывая неравномерный загар: до локтя руки совсем испеклись, а выше кожа еще светлая. Прежде у него не было таких рук: пальцы в мозолях и порезах, под ногтями уже неотмывающаяся грязь.

– Хорошо, когда в доме есть хозяйка, – говорит он, когда Молли ставит перед ним тарелку, – но еще лучше, когда их две. – Он отламывает хлеб и принимается за кашу.

Мы почти не говорим, я не пытаюсь объяснить ему, зачем приехала. Беседы с ним – игра в одни ворота, словно говоришь с Богом, а мне не нравится тратить силы напрас-

но. Каждое сказанное ему слово – как корабль, попавший в Бермудский треугольник: пропадает безвозвратно. Предпочитаю убеждать себя, что он болен, как те старики, о которых я когда-то заботилась в доме престарелых.

– Когда ты уезжаешь? – спрашивает Молли. Моя рука повисает над тарелкой.

– Я не намерена уезжать.

Она презрительно хмыкает и скрывает лицо за чашкой.

– Тебе позволили не ходить в женский дом? – интересуется Роберт у Молли.

– Да, какое-то время.

– Я оставил в спальне рубашку. Она разошлась по шву на правом плече.

– Хорошо, я зашью. Можно мне сходить в церковь?

Он сдвигает брови к переносице. Думает о чем-то своем.

– Сегодня хор. Я хочу пойти, – настаивает Молли.

– Иди, но не забудь про рубашку.

– Хор? – встречаю я.

– Отец Кеннел руководит хором. Иногда мы поем во время служб. Ты бы знала это, если бы... – Она резко замолкает, уставившись в тарелку.

– Я могу пойти с тобой?

– Это детский хор.

– Я не говорила, что буду петь.

Она кривится и поджимает губы, а потом выдает:

– Как хочешь. Мне все равно, – она дергает плечиком, но

на долю секунды уголки губ приподнимаются, отчего внутри разливается тепло, – она там. Моя Молли все еще там, мне только нужно откопать ее, очистить от песка и пыли, от всего, что Доктор скормил ей в мое отсутствие.

Когда отец выходит из дома, Молли выбегает за ним, чтобы отдать шляпу, – он сам не свой, машина, заправленная топливом. Я убираю со стола – хоть в чем-то могу быть полезной, а Молли принимается за порванную рубашку отца. Я мельком наблюдаю за ней. Мне никогда не удастся попасть в ушко иголки с первого раза, ее же движения умелые и спорые, как у заправской швеи.

– У тебя так здорово выходит.

– В Корке все это умеют. Хелен нас учит.

– Научишь меня?

Она поднимает глаза.

– У тебя не получится.

За шесть лет она выросла словно на четверть века, пропасть из обид, боли, страха, отчаяния и разочарования стала такой огромной, что нам уже не докричаться друг до друга, но я пытаюсь. И буду пытаться, пока жива.

– Если не соберешься за двадцать минут, я пойду в церковь без тебя, – вдруг говорит она, откладывая рубашку.

Я тут же вытираю руки, бегу наверх и натягиваю на себя самую скромную одежду. На самом деле я надеваю то, что у меня есть, – я не рассчитывала провести здесь столько дней. Оглядывая себя в зеркале, которое прикреплено к внутрен-

ней стороне дверцы шкафа. Будь моя воля, я бы не оставила и его.

– Так нельзя идти в церковь. – Молли появляется за моим правым плечом, наши взгляды встречаются в отражении.

Я рассматриваю себя снова, на этот раз намного придирчивее: никакой укладки, никакого макияжа, раньше я тратила сотни долларов, чтобы поддерживать образ успешного адвоката. Впервые за несколько лет я надела свободные темные джинсы, скромные туфли с незаметным квадратным каблуком и кремовую блузку – оставила незастегнутой лишь верхнюю пуговицу. В последний раз я выглядела так... да никогда. Даже самые серьезные судебные процессы и строгие судьи не вынуждали так скрывать тело.

– Думаешь, преподобный не в курсе, что я женщина?

Шутка остается без внимания.

– Сними это, – она устремляет взгляд на нить жемчуга, которая едва видна в разрезе блузки.

Я делаю так, как она велит.

– Застегни пуговицу и собери волосы.

Я беспрекословно выполняю приказы, стирая последние штрихи внешнего мира.

– У тебя нет юбки?

Я качаю головой. Она еще раз обводит взглядом отражение и в итоге кивает.

– Ладно, так лучше, – говорит она в непривычно высокомерном тоне.

Я – гадкий утенок, она – девственная лесная нимфа с золотой косой, переброшенной через плечо. Тонкая, изящная, трогательная, точно цветок в росе. Но одинокая. На ней аккуратное льняное платье длиной по щиколотки, перетянутое поясом. Скромная вышивка украшает горловину.

– Ты сама ее сделала?

Она теряется и на секунду ослабляет оборону.

– Да, мне нравится вышивать.

– Тебе очень идет.

– Нет времени на пустую болтовню, – отрезает она, покидая комнату.

Несмотря на жару, дом снова покрывается коркой льда.

В церкви нас встречают голоса девочек из хора. Те, что помладше, порой забываются и переходят на крик, но старшие осаживают их, дергая за рукава и косы. Заметив меня, они затихают, но, не признав авторитета, продолжают перешептываться.

Я устраиваюсь в первом ряду, Молли – в центре хора. Все девочки облачены в простые платья, на лицах безусловное принятие и предвкушение, которое делает их более прекрасными и в то же время уязвимыми. Агнцы на заклание.

Появление отца Кеннела, кажущегося еще выше в сравнении с детьми, приводит к установлению полнейшего порядка. Девочки тут же подскакивают и выпрямляются, как клавиши пианино, с которых резко убирают пальцы. Он занимает место перед хором и, очевидно, обращает вопросительный взгляд на Молли.

– Мэри, не ожидал тебя сегодня увидеть. Не представишь нас? – он мягко указывает в мою сторону. – Было бы крайне невежливо оставить меня в неведении.

– Простите, преподобный. Это моя сестра.

Он оборачивается и устремляет на меня ничего не говорящий взгляд. Тишина затягивается, желудок сжимается.

– Флоренс Вёрстайл, – отзываюсь я, не в силах терпеть заминку. – Хотела послушать, как поет хор, если это возможно.

– В этом мире все возможно, мисс Вёрстайл. – Он склоняет голову набок и едва уловимо улыбается, обретая ореол демонической притягательности. – Добро пожаловать в церковь Святого Евстафия. Чувствуйте себя как дома.

– Предпочитаю быть в гостях.

– Как пожелаете, – с вежливым кивком он возвращает внимание к воспитанницам.

Он больше не говорит ни слова, кивает девочке в первом ряду, и она начинает петь: тонкий голосок разносится по церкви, овладевая всеми потаенными уголками. Взмах рук преподобного заставляет присоединиться к ней двух девочек, стоящих в конце ряда. Нежный голос переплетается с другими и проникает в крепко запертый ящик – мое сердце. Я прикусываю щеку в попытке удержать непроницаемое лицо, но сдаюсь, когда к хору голосов присоединяется Молли, добавляя в него последний, недостающий элемент. Эти дети: их мечты, разум и души погибли здесь, но они не знают этого, если бы знали, их голоса не были бы так чудесны, не заставляли бы меня, пусть и на миг, поверить, что небеса существуют.

– То, что вы делаете, – говорю я, подходя к преподобному, когда занятие заканчивается, – это великолепно.

– А то, что делаете вы, опасно. – Он обращает на меня взгляд, такой острый и тяжелый, но полный... жалости? По спине проходит холодок. Сталь в его глазах погубит меня.

– Ты же не против, если я поговорю с твоей сестрой? –

спрашивает преподобный у Молли. Она кивает, опустив взгляд, не смеет смотреть ему в глаза. Будь я умнее, тоже не стала бы. – Спасибо, Мэри. Пойдемте, мисс Вёрстайл. Я не задержу вас надолго.

Я следую за ним по коридору, увешанному картинами. Он открывает дверь и пропускает меня вперед. Церковь Святого Евстафия – его территория, а кабинет преподобного – его сердце. Здесь все как прежде: книжные шкафы по периметру комнаты, огромный дубовый стол, распятие на стене. Но мне неуютно, неуютно в сердце человека, которого я не знаю.

– Полагаю, мы не были представлены должным образом. Я священник церкви Святого Евстафия и общины Корка – Кеннел О’Донахью.

– Ирландец?

В венах Сиды тоже текла ирландская кровь. *Да что со мной, черт возьми, такое?*

– По материнской линии.

Он протягивает мне руку. У него идеальные руки: изящные, рельефные, с длинными тонкими пальцами, как у статуи, как у пианиста. Явно не руки рабочего. Я не пожимаю ее – не выдержу, если он меня коснется.

Сажусь в кресло и на время погружаюсь в себя. Мне нужно перевести дух, ибо он бодр, плоть же немощна. И этим я привожу преподобного в замешательство – он застывает, словно натывается на невидимую стену, как вампир, который не способен переступить порог без приглашения. Но оно

так и не следует, и тогда он как ни в чем не бывало садится напротив и смотрит на меня изучающим взглядом. Пытается разговорить, проверяя, как долго я смогу сохранять безмолвие. Я поступала так же в зале суда, заставляя свидетелей выкладывать больше, чем им хотелось. Он сделал это, когда стоял перед хором. В тот раз он застал меня врасплох, и я поддалась. Сейчас же я посылаю ему уверенный взгляд в попытке смутить. Чувствую, как вспыхивают щеки.

– Флоренс Вёрстайл. Я о вас наслышан.

– И что же, я такая, какой вы ожидали меня увидеть?

Он не торопится с ответом.

– Вы ниже.

– Спасибо производителям туфель на каблуках.

На его губах играет слабая улыбка, но резко сходит с лица.

– Вы читали Библию?

– Да.

– И главу о распятии Христа?

– Моя любимая.

– Тогда вы знаете, что происходит с предначертанным. –

Он подается вперед и тихо продолжает: – Оно сбывается.

Я тоже подаюсь вперед, копируя его манеру:

– Или его никто не пытается предотвратить.

– Вы очень умны, – без тени улыбки отмечает он, снова откидываясь на спинку кресла.

– А вы очень красивы.

– Это не комплимент. Ум – последнее, что вам пригодится

в Корке. Ему это не нужно.

– Что же ему нужно?

– Умение не выделяться.

– Вы им тоже не обладаете.

– Я священник религиозной общины. Мне не положено им обладать. – Он опирается на подлокотник. – Очевидно, вы неблагосклонно ко мне настроены, но пытались сделать комплимент?

Судя по всему, эта мысль его забавляет.

– Чтобы стянуть маску, которую вы носите.

– И как успехи?

– Под ней оказалась другая.

– Вы любите свою сестру, верно?

– Зачем вы задаете вопросы, на которые уже знаете ответы?

– И вы видите происходящее здесь иначе, нежели остальные.

– Не понимаю, о чем вы.

– Я вам не враг, Флоренс.

– Да. Будь я вашим врагом, вы бы не знали, куда себя деть.

Он медленно и протяжно вздыхает – на миг разом стягивает все маски, которые надевал годами.

– Когда я видел Джейн в последний раз, она просила связаться с вами. Она умоляла вас уехать отсюда. И пусть для вас это ничего не значит, но я умоляю вас о том же.

– Я не уеду без сестры.

Он сжимает подбородок в задумчивости.

– Она не хочет уезжать?

– Когда-нибудь вы научитесь не задавать вопросы, на которые уже знаете ответы.

– Значит, вы намерены остаться?

– Только если не решусь на похищение. Что ваш Бог думает о похищении детей?

– От него родила юная девушка. Не думаю, что у него есть строгий кодекс касательно таких вещей.

– Вы точно священник?

Он позволяет себе горькую усмешку.

– Порой зло бывает необходимым.

– Так говорит Бог?

– Так говорю я.

В его взгляде что-то проскальзывает, но я не успеваю уловить – это тут же смывает волной.

– Доктор. Какой он?

– Лучше бы вам этого не знать, мисс Вёрстайл.

– А вы знаете?

– Не все. Он умен и знает главное правило сохранения власти.

– Разделять и властвовать?

– Не доверять никому, кроме себя.

– В списке моих контактов больше убийц и воров, чем вы когда-либо видели за свою жизнь...

– Он намного опаснее. И лучше вам с ним не связываться.

– Вы пытаетесь запугать меня?

– Я пытаюсь вас спасти. И нет, Флоренс, уверяю, я видел куда больше убийц, воров и лжецов, чем вы. Я же священник, – он посылает мне самоуничижительную улыбку.

– Чего вы хотите, преподобный? Моего отъезда? Без сестры я не уеду, но и увезти ее не могу. Какое вам до этого дело?

– Хочу поступить правильно.

– А кто поступит правильно с теми девочками, которые поют в вашем хоре? Кто защитит их?

– Я защищаю их.

– Неправда.

– Вы ничего не знаете обо мне, мисс Вёрстайл.

– О вас, отец Кеннел? О человеке, который продал душу за черное одеяние, крышу над головой и кусок хлеба?

– Разве преподобный Патрик поступал не так же?

Упоминание Патрика заставляет уязвленно умолкнуть – он попал в яблочко. Минуту я не могу проронить ни слова, теряюсь в небытии, пока стальные глаза преподобного наблюдают за моим падением, безмолвным, но неотвратимым.

Взяв себя в руки, вернув трезвость мысли, я устремляю взгляд на священника.

– Вы ничего не знаете о Патрике.

– Мы начинаем ходить по кругу.

– Когда моя жизнь рассыпалась на части, когда я рассыпалась на части, ваш Бог палец о палец не ударил, чтобы помочь мне. И вы следуете его примеру, поощряя все, что здесь

творится.

– Бог никогда не посылает больше испытаний, чем человек может вынести.

– Должно быть, он считает меня очень сильной... Чем вы провинились?

По льду пошли трещины. Что-то в его лице изменилось – совсем чуть-чуть, но этого достаточно, чтобы понять: я попала в яблочко. Несколько секунд он сверлит меня взглядом. *Один – один, преподобный.*

– Бог, в которого вы верите, привел вас сюда. Чем вы перед ним провинились?

– Я провинился перед собой. Но не переживайте, мисс Вёрстайл. Свой крест я давно несу.

Как и все мужчины в общине, Питер Арго и его отец днем работают в поле. Также семья Арго занимается столярным делом – маленький островок того, что осталось после закрытия фабрики. Роберт говорит, они делают мебель для всей общины: столы, стулья, шкафы, кровати. Чинят все, что скрипит и плохо прикручено. Интересно, смог бы этим заниматься Сид? Нравится ли это Питу? В последние годы я потеряла связь с ними обоими.

Опилки шуршат под ногами. В конюшне пахнет сеном, деревом и лошадьми, которые так устают после тяжелого дня, что даже не обращают внимания на чужака. Одни лениво жуют сено, те, что поменьше и послабее, дремлют. Я подхожу к самой, как мне кажется, спокойной лошадке темно-карамельного цвета, но она занята ужином, поэтому недовольно ржет. Точно так же она отзывается на посягательство на ее седло, по поверхности которого я едва успеваю провести.

Ладно, я поняла: мне здесь не рады.

Прежде чем подняться на второй этаж, откуда слышится звук ручной пилы, я изучаю стену, увешанную инструментами для конского снаряжения: удила, оголовья, уздечки, хлысты и сельскохозяйственная упряжь. Удивительно, что я помню названия, ведь была на конюшне всего раз с Филлом и представителями адвокатской элиты – порой их тянет на

природу, но ненадолго. Также здесь хранится уходовый инвентарь, включая щетки и гребни. Помимо сундука, стоящего у стены и запертого на замок, все на виду. Одна из прелестей Корка – отсутствие воров.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я щурюсь – в глаза ударяют лучи закатного солнца. Причудливые тени маячат по стенам. Пила продолжает ходить из стороны в сторону, а управляют ею руки Питера Арго. Он работает отлаженно и четко, но с неохотой. Когда ненужная часть дерева падает на пол, он переходит к другой доске. С ним трудится Ленни, его пшеничные волосы светятся, словно нимб, в лучах вечернего солнца. Такие же волосы были у прежнего преподобного. *Прежний преподобный. И единственный. Для меня.* Ленни лишился детской припухлости, но остался плотным. Он обрабатывает распиленные доски наждачкой, но работает неуверенно и осторожно – он бы предпочел что угодно столярному делу.

Я помню Питера Арго ребенком, но за последние шесть лет он стал мужчиной, о котором я ничего не знаю. Кладя очередную доску к уже готовым, он проводит рукой по вспотевшему лбу. Его рубашка потемнела от пота на груди и под мышками. Выглядит он, в отличие от скучающего и медлительного Ленни, смертельно усталым, но не прекращает работу. Я делаю пару шагов, не оставляя им возможности не заметить меня. Первым взгляд поднимает Ленни, его глаза слегка расширяются, но не похоже, что он сильно удивлен.

Он легонько хлопает Пита по плечу – совершенно лишенный романтики, но не заботы жест, который греет сердце. Пусть меня не было рядом, но у Питера был друг.

Пит морщится, но похлопывания не прекращаются, поэтому он вынужден поднять глаза – рык пилы затихает – с полминуты он смотрит в полной тишине, ее разрезает ржание лошади.

– Я пойду, – предлагает Ленни. – Ты знаешь, где меня найти.

Пит сглатывает и кивает, провожая его взглядом так, словно остаться наедине со мной – самое ужасное, что может случиться. Когда скрип перил и ступеней стихает, Пит возвращается к работе. Я подхожу ближе, и его челюсти сжимаются, точно я тигр, обнюхивающий добычу.

– Не хочешь смотреть на меня?

Он разделяется еще с одной доской и кидает в общую кучу, а после наконец поднимает голову.

– Это правда ты?

– Это правда я.

Я касаюсь его разгоряченного предплечья. Теперь у него такая же загорелая кожа, как у Роберта.

– Не так я представлял нашу первую встречу. – Он кладет пилу на стол и ставит руки в боки.

– Ты ее представлял?

– Надеялся, что ты хотя бы... – на миг он крепко сжимает губы, – поговоришь со мной.

– Прости. Джейн умерла, Молли так переживала. И я тоже. Я была сама не своя в те дни.

Я умираю от того, как ты похож на брата. Я погибаю от тоски по нему.

– И именно поэтому я на тебя не злюсь.

– Нет?

– Нет.

В порыве неловкости он хватает со стола скребок и начинает крутить в руках.

– Не хочешь говорить?

– Хочу, – признает он, краснея до самых ушей.

– Значит, мир? – я протягиваю ему руку.

Он кидает скребок к другим инструментам и оглядывает свои ладони.

– Я убирал в конюшне до этого – у меня руки в грязи.

– У меня тоже.

Он стягивает с плеча тряпку, вытирает руку и протягивает мне. Пожатие оказывается крепким, но жмет он не в полную силу. Боится причинить мне боль? Кожа грубая и шершавая, пальцы в ссадинах и мозолях – рабочие руки, каких не было раньше у Роберта. Каких никогда не будет у Сиды.

– Мне нужно закончить с этими досками сегодня.

– Я не спешу.

Когда он принимается за работу, я оглядываю мастерскую и стол, заваленный инструментами столяра. Судя по виду, за ними, как и за лошадьми, тщательно ухаживают. Разме-

ренному движению пилы время от времени ленивым ржанием отвечают лошади. Среди верстаков, лобзиков, ножовок и стамесок я чувствую себя странно, но это что-то приятное, разливающееся теплом в груди.

– Почему ты перестала отвечать на мои письма? – спрашивает Пит, разделавшись с последней доской.

– Не перестала.

– Я ничего не получал два с половиной года.

– Я писала тебе каждый месяц, даже после того как ты перестал отвечать.

– Я отвечал на все письма, которые получал.

Мы оба задумываемся.

– Как я и полагал.

– И что же ты полагал?

– Их кто-то перехватывал. Мне хотелось в это верить. Хотя более вероятным было то, что ты забыла обо мне.

– Я так не поступила бы.

– Но о нем ты забыла.

Я подавляю внезапно возникший ком в горле.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Молли не хватало тебя. Знаешь?

– Знаю.

– И мне тоже.

– Знаю.

Он еще раз вытирает руки и выдыхает, отходит к окну и запускает пальцы в волосы, надолго задумываясь о чем-то.

– Ты вернулась за Молли?

– Да.

Он подходит ближе и кидает тряпку на стол, опилки разлетаются.

– Тебя не было шесть лет.

– Я умею считать, но я ушла не просто так. Ты был уже достаточно взрослым, когда это случилось. Ты должен меня понять.

– Да, ты училась. Сид тоже хотел учиться.

– Не говори так, будто это я убила его.

– Ты... мое единственное воспоминание о нем.

– Это неправда. У тебя есть родители, дом и Корк, где он в каждом уголке.

– Думаешь, это то, что мне нужно? Призрак мертвого брата?

Я не отвечаю.

– Ты собираешься уехать и забрать Молли? – спрашивает он таким недоброжелательным тоном, что если я отвечу «да», он распилит и меня.

– Да. И я хочу предложить тебе поехать с нами.

Он усмехается, прикусывая губу.

– Это так не работает.

– У меня есть деньги.

– Дело не в деньгах. Дело никогда не было только в деньгах.

– Знаю, тебе страшно, но... – Я запинаясь в попытке по-

добрать нужные слова.

– Но?

– Тебе здесь не место. И Молли тоже. Тут никому не место.

– У меня есть обязательства.

– Перед общиной?

– Перед семьей.

– У меня они тоже есть. Когда Джейн умирала, она молила увезти Молли.

И я намерена выполнить ее последнее желание, чего бы мне это ни стоило.

– Молли – мой друг.

– Это одна из причин, по которой я здесь.

– Хочешь, чтобы я обманул ее?

– Хочу, чтобы ты открыл ей глаза.

– У меня нет такой власти.

– У кого есть?

– Ты его уже встречала.

– Доктор?

Он кивает. И снова все упирается в одного человека.

– Что он такое?

– Говорят, что мессия.

– А ты как думаешь?

– Скорее, диктатор.

– Ты ходишь в школу?

– Сейчас лето.

– Ты пойдешь в школу?

– Я слишком взрослый, чтобы сидеть за партой.

– Тебе семнадцать.

– Я не хожу в школу с четырнадцати.

– Тогда откуда тебе известно, кто такой диктатор?

Он опускает взгляд и уязвленно бурчит:

– Понятия не имею, о чем ты.

Я не допытываюсь, но делаю мысленную пометку – выясню это позже.

– Как ты узнала, что я здесь?

– Мне сказал твой отец. Он не рад меня видеть.

– Он не рад чужакам.

– Вы с ним ладите?

Он пожимает плечами.

– Столяр из него лучше, чем отец.

– А у тебя... хорошо выходит?

– Не думаю, что это дело моей жизни. Но выбора нет. Либо это, либо целовать пятки преподобному, как Ленни.

– Зачем он это делает?

– Хочет занять его место.

– Не знала, что Ленни так амбициозен.

– Не амбициозен – религиозен. Он верующий до мозга костей.

– Но он все равно твой друг?

– Приходится мириться с некоторыми недостатками.

– Помню, раньше ты хотел быть астронавтом.

– Да нет, не очень.

– Тогда кем?

– Лет до десяти я думал, что стану инженером, после – что физиком-экспериментатором.

– Почему?

– Мне нравилось узнавать, как работает мир.

– Что случилось потом?

– Учитель физики уехал из Корка, и я понял, что это не вариант, – он невесело усмехается. – Сид терпеть не мог физику.

Я отвечаю ему улыбкой, позволяя себе пуститься в воспоминания.

– Скорее, он ее не понимал. Он был ужасен в физике. Почти так же ужасен, как и в геометрии.

– Но как устроен мир, он точно знал. Может, поэтому и ушел.

– Не говори так.

– В этом мы с Молли похожи. Я люблю его, но еще больше злюсь.

– Почему?

– Он подумал о благополучии той блондинки, в которую когда-то был влюблен, не о моем. – Он знает ее имя, но намеренно не произносит его, намеренно выделяет слово «той».

– Ее зовут Синтия. И речь шла не о ее благополучии, а о ее жизни.

– Почему ее жизнь важнее, чем его?

– Она не важнее. Все произошло в считанные секунды. Он хотел защитить друга.

Он смотрит на балки, держащие крышу, и краски покидают его лицо, губы становятся бледными и бескровными. Юноша исчез – теперь он сломленный мужчина. Как собрать его обратно? Я не способна собрать воедино и себя. После стольких лет...

– Разве нет на свете человека, ради которого ты сделал бы так же? Даже если это причинило бы боль людям, которых ты любишь.

– Это нечестно.

– Знаю.

– Я часто вспоминаю его.

– Я тоже... У меня не осталось даже фотографии.

– Хочешь, я принесу?

Я хочу. Но нужно ли мне это? Иногда то, что мы хотим, и то, в чем нуждаемся, не одно и то же. Это разбередит старые раны, которые никак не заживут, но я соглашаюсь. Моя любовь к нему сильнее здравого смысла. Если бы можно было повернуть все вспять, я бы осталась в Корке, приняла бы любую религию, лишь бы спасти Сида и быть рядом с ним. Когда-нибудь это убьет меня.

– Молли боготворит Доктора, – признает Пит.

– Почему?

– Он стал ей как отец. Задолго до того, как Джейн слегла. Он... умеет располагать к себе, когда нужно.

– Что же ему нужно?

– Думаю, он это уже получил. Безграничную власть, всеобщее уважение, любовь и преданность. Люди благоговеют перед ним.

– И ты?

– Я вынужден.

– Как он это делает? Запугивает? Пытает?

– Нет. Он просто делает так, что у тебя не остается выбора.

– Он делал это и с тобой?

– Да.

– Что именно?

– Задавал вопросы.

– Какие?

– О грехах и слабостях. О потаенных желаниях. Он знает все обо всех и поэтому может всеми управлять.

– И Молли?

– Молли и без того повинуется ему. Она расскажет ему о тебе все, что знает, и даже не заметит. Ненамеренно, не со зла. Ей нельзя доверять.

– Но мне нужно ее вернуть.

– Понимаю.

– Ты pomoжeшь мне?

– Я не знаю как...

Я бы сказала ему, если бы знала сама.

– А что скажешь об отце Кеннеле? Стоит его опасаться?

– Шестерка Доктора. Отмаливает его грехи и ужинает в

его доме.

– Они друзья?

– Точно не враги. Вы знакомы?

– Он сообщил мне о болезни Джейн.

– Как?

– Позвонил.

– В Корке ни у кого, кроме Доктора, нет телефона.

– Он сказал, что звонит из автомата.

– И ты ему веришь?

Я не отвечаю.

В груди так пусто, что хочется кричать.

Последние семь лет я стараюсь не оставаться в тишине – она гнетет меня. По пути в офис я слушала радио, дома включала Сири, и даже на работе, если была такая возможность, вставляла наушники. Белый шум. Я нуждаюсь в нем. В Корке с этим возникают трудности: здесь нет ни телевизора, ни интернета, ни радио. Тишина и развешанные повсюду распятия медленно, но верно сводят с ума. Я забираюсь на чердак в надежде, что у Роберта хватило ума сохранить парочку книг. Он убрал их, потому что вспоминать обо мне было слишком больно или, напротив, он мечтал навсегда от меня избавиться?

Старая мебель, накрытая тканью, давно пришла в негодность. Чердак скрипит, трещит, разваливается – потолочные балки могут обрушиться в любую минуту, погрести меня под собой. Крыша протекает, на стенах появились несмываемые рыжие разводы, в углах – паутина и плесень. Похоже, в последние годы Роберт думал о чем угодно, но только не о сохранности дома. *О чем тогда он, черт возьми, думал?*

Срываю ткань со шкафов – закашливаюсь, облака пыли оседают, но маленькие частички еще долго пляшут в воздухе. Полки пусты и принадлежат паукам, которые плетут свою паутину, прямо как Доктор. От воспоминаний о нем по спине пробегает холодок. Нет, я слишком много потеряю, если

поддамся страху.

В одной из коробок нахожу две книги. Первая – увесистая, плотная, с золотым тиснением на обложке – Устав. Раньше я ненавидела его и трепетала перед ним, а теперь – ничего. Он утратил ореол зловещей силы. Тоскливая пустота. Как детская страшилка, он потерял надо мной власть. Прячу его обратно – хочу сохранить его и те времена, когда Сид был жив.

Вторая книга – Библия, старая и потрепанная, с пожелтевшими страницами, но кто-то явно пытался уберечь ее – она замотана в холщовую ткань и в бумагу. Я раскрываю ее и пролистываю. Библия. Просто Библия. Однако на одной из страниц замечаю кое-что необычное. Одно из слов в Бытии обведено в круг:

«И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

(Бытие, 2:25)

Я пролистываю дальше и нахожу следующие слова.

«И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно».

(Бытие, 4:13)

«...Он сказал: Владыка Господи! по чему мне узнать, что я буду владеть ею?»

(Бытие, 15:8)

«И сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего».

(Бытие, 18:3)

*«...прости беззакония наши **и** грехи наши и сделай нас наследием Твоим».*

(Исход, 34:9)

*«Так было и **всегда**: облако покрывало ее днем и подобие огня — ночью».*

(Числа, 9:16)

«Если она выйдет в замужество, а на ней обет ее, или слово уст ее, которым она связала себя».

(Числа, 30:7)

*«Все **одно**; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и виновного».*

(Иов, 9:22)

*«Двух вещей я **прошу** Тебя, не откажи мне, прежде нежелали я умру».*

(Притчи, 30:7)

*«Затем Иудифь пришла и возлегла. Подвиглось **сердце** Олоферна к ней, **и душа** его взволновалась: он сильно желал сойтись с нею и искал случая обольстить ее с того самого дня, как увидел ее».*

(Иудифь, 12:16)

Были, мое, я буду, Твоими, и, Твоим, всегда, слово, одно, прошу, сердце, и душа – на первый взгляд полная бессмыслица, но если знать, кто оставил послание и кому, то слова становятся просьбой и даже мольбой: «Мое сердце и душа всегда были Твоими. Одно слово, и я буду Твоим. Прощу».

Патрик и Луиза. Он написал это послание, прежде чем она уехала, прежде чем покинула его. Он был готов оставить сан ради нее, но она не позволила. Почему? *Почему, мама?* Я храню ее дневник в коробке, там же, где все реликвии из Корка. Темно-зеленый ежедневник покоится под кроватью в моей нью-йоркской квартире. Больно от того, что я не могу перечитать его сейчас. Патрик, милый Патрик. *Папа.*

Я прячу книги обратно и выбегаю на улицу – мне нужно покинуть дом, иначе призраки прошлого погубят меня, – отправляюсь в город. Никто не станет меня искать. Возможно, моего отсутствия и не заметят. Молли избегает меня, прячется в женском доме – *что еще за дом такой?* А с Робертом бесполезно говорить.

До здания старшей школы Корка от дома с фиолетовой крышей ровно двадцать три минуты, или две тысячи пятьсот семьдесят три средних шага, – я помню цифры, но не решаюсь проверить их точность. Мой мир рухнет, если они не совпадут. О том, что магазин «У Барри» был когда-то магазином, я знаю лишь благодаря воспоминаниям – окна заколочены, судя по виду, его никак не используют.

Старшая школа Корка тоже претерпела изменения, но они

ускользают от взора, когда на ступеньках я вижу их: юношу и девушку. Его волосы пылают даже в пасмурную погоду. И пусть в моем мире светит солнце, они бегут под дождем. Они безумно счастливы, но не догадываются об этом. Безмятежность юности. Счастье неведения. Они пробегают сквозь меня. Соревнуются, кто быстрее. Больно от того, что я знаю: это будет она.

Я выхожу на задний двор, слышу крики и хлопки. На поле, где много лет назад тренировались болельщицы, два десятка мальчишек, совсем маленькие и постарше (Питер Арго – вратарь), и один высокий мужчина играют в футбол. Футбол? Невероятный аттракцион щедрости от Доктора.

Мужчина оборачивается, и меня пронзает, когда я понимаю, что это преподобный Кеннел. Гоняет по полю с остальными? Что это? Очередная попытка умерщвления плоти? Он старше всех игроков на десять, а то и двадцать лет, но не только играет не хуже, но и запросто способен загонять их до смерти. На нем белая льняная рубашка и брюки. Кожа блестит от пота.

Я прохожу ближе и останавливаюсь у кромки истоптанного поля. Слежу за игрой. За ней! *Флоренс Вёрстайл, давай хотя бы себе не лгать*. Ты следишь за ним, за преподобным – его русые волосы отливают золотом, светятся в лучах закатного солнца, словно нимб. *Божество*. Ангел, спустившийся с небес. Или упавший...

Выдыхаю. Цель – вернуть ясность мыслей. Я видела не

одного обнаженного мужчину, но никто из них не сравнится с одетым и играющим в футбол отцом Кеннелом.

– Даже не думай об этом, – раздается голос позади.

Ленни Брэдсон сидит на траве в нескольких футах от меня, прищурив глаза. Светлые волосы, белесые брови и ресницы придают ему вид инопланетянина – островок морозной зимы в мучительной жаре.

Я присаживаюсь рядом, прямо на землю.

– Не думать о чем?

– Он священник.

– Я в курсе.

– Тогда ты знаешь, что священники придерживаются целибата.

– Извини, что тебе пришлось уйти вчера.

– Нет, я вовсе не обижен. Не говори Питу, но я занимаюсь деревом, только чтобы помочь ему.

Мы оба усмехаемся.

– К тому же он очень хотел тебя видеть. – В его глазах читается неподдельная печаль. Он знает, что Пит переживал все эти годы. – Не говори, что я сказал это.

– Твой секрет умрет со мной, – я провожу пальцами по рту, как бы застегивая невидимую молнию.

Туфли натерли ноги, я снимаю их и дотрагиваюсь до прогретого ковра из травы.

– Почему ты не на поле? – спрашиваю я.

– Я не играю. Мне нравится смотреть.

– На кого? – подшучиваю я.

– Ни на кого – на что. Я в спорте, как видишь, не силен, – он тыкает в складки на животе. – Но мне нравится смотреть, как играют другие. Говорят, если можешь удержаться от азарта – смотри соревнования, если нет – лучше воздержись. Я могу.

– Попробуй. Хотя бы разок.

– Не хочу все испортить. Мистер Арго редко отпускает Пита из мастерской – сегодня один из немногих вечеров, когда ему удастся поиграть.

– Ты очень хороший друг, Ленни, – говорю я и возвращаюсь в тот день, когда он, еще мальчишка, сидел на камне в ожидании друга. Ленни так предан Питу, что хочется обнять его, поблагодарить за то, что он был с ним, пока я не могла. – Я ведь могу называть тебя Ленни?

– Можешь.

– Так что, Ленни, ты в порядке?

– Хочешь знать, не быют ли меня?

– В том числе.

– Нет, я теперь уважаемый член общины. Я ученик подобного. Он лучший священник на планете.

– Прямо-таки лучший? – посмеиваюсь я.

– Лучший.

Пит замечает меня, и его рот расплывается в улыбке, он машет мне, и я отвечаю тем же, а потом я встречаюсь взглядом с преподобным. Он прищуривается, то ли от того, что не

ожидал меня увидеть, то ли от закатного солнца – лицо серьезное и сосредоточенное, в нем ничто не дрогнет. Он возвращается к игре. Мяч летит в сторону ворот, но он перехватывает его и запускает в ворота противника. Пит не успевает его отбить.

Ленни заворуженно наблюдает за игрой. От него веет непривычным спокойствием и теплом – как от умудренного жизнью старика. Странное чувство, но приятное. Он не похож на парня из старшей школы. Я помню, какими они могут быть, какими они были в школе в Буффало: дерзкими, самолюбивыми, порой жестокими, но это не про Ленни.

– Не веришь мне? – спрашивает он.

– Почему же, верю.

– Это правда. Отец Кеннел говорит на пяти языках, прочел больше книг, чем все, кто когда-либо жил в Корке... и, как видишь, ведет со счетом шесть – один в пользу своей команды.

– Он тебе нравится?

– Конечно, он всем нравится.

– И Питу?

– Пит предвзят в этом вопросе. Но он знает, что однажды я стану таким же.

– Таким же умным?

– Таким же священником.

– Ты слишком молод, чтобы думать об этом.

– Мне семнадцать. По моим меркам, это почти семьдесят.

Самое время думать о таких вещах.

– По твоим меркам?

– Да, бабушка говорила, что я родился со старой душой. Раньше я не понимал, что это значит. Она всегда путано выражалась.

– А что случилось потом?

– Она умерла.

– Когда?

– Два года назад.

– Мне очень жаль, Ленни.

– Она была больна, долго мучилась. Хорошо, что Господь забрал ее. Надеюсь, она нашла свой покой.

– Но что, если через десять-пятнадцать лет ты захочешь жениться? Подумай лучше об этом.

– Меня это не интересует.

– Это? В смысле девушки?

– Я хочу посвятить себя Богу.

Я одариваю его благосклонной улыбкой – *бедный милый Ленни* – и возвращаюсь к игре. Во время перерыва преподобный говорит с парнишкой лет пятнадцати, а потом берет из его рук бурдюк и отпивает – вода течет по подбородку и шее, под рубашку, и я невольно представляю себя этой каплей, что касается разгоряченного тела. Священник или нет, помощник Доктора или нет, но он слишком хорош. *Это так нелепо!*

– Он должен быть Папой, – говорит Ленни.

- Он хочет быть Папой?
- Нет. Он предпочитает оставаться с нами. Но он мог бы.
- Значит, у него есть причина оставаться.
- Да, есть.
- Какая же?
- Он святой.

Юноша и девушка. Юноша и девушка мерещатся мне на обратном пути домой. Он – творческий беспорядок на голове, синяя ветровка, серый рюкзак, стоптанные кроссовки, запах апельсинов – догоняет ее, но она снова и снова ускользает. Я не вижу его лица, но чувствую его смятение, отчаяние, боль, нестерпимую нужду – коснуться ее. Жестокая девчонка. Я была жестокой с ним. Теперь я должна быть жестокой со всеми остальными, чтобы не утратить воспоминания о нем и не позволить Молли остаться лишь воспоминанием.

Я буду жестокой с ней. Хелен Гарднер – часть Йенса, его жена, правая рука, друг и соратник – знает его тайны и все равно поддерживает. Она ожидает на крыльце дома с фиолетовой крышей. На лице ни капли возмущения и злости – полное принятие и покой. Она в белом, словно ангел, а рядом с ней стоит корзинка, накрытая полотенцем. Когда она замечает меня, ее рот расплывается в самой доброжелательной улыбке, которую я только встречала.

– Благословенный день, Флоренс. Я постучала, но никто не открыл.

– Отец, наверное, ушел за водой, а Молли сказала, что пойдет в женский дом.

– Да, я немного нагрозила ее работой. Она меня попросила.

– И кого вы тут ждете?

– Я пришла к тебе, Флоренс. – Она спускается с лестницы и протягивает корзину мне. – Сегодня мы пекли, и я решила, что ты тоже захочешь попробовать.

Не советую принимать пищу в его доме.

– Могу я войти?

Она так мила, что я вынуждена впустить ее и принять выпечку – насилие добротой.

– Я хотела узнать, как чувствует себя Мэри, – говорит она, устроившись на диване.

– Вы же видели ее. Почему не спросили?

– Мэри – редкий человек, редкий ребенок. Никогда не пожалуется, не признает, что ей плохо, даже если в самом деле плохо.

– У нее умерла мать. Как думаете, она себя чувствует?

В ее тонком и изящном лице, в немолодых, но красивых глазах небесного цвета читается искреннее сожаление, глубочайшее сострадание. *Господи, а она хороша!* – я верю ей. Почти.

– А ты, Флоренс?

– Я?

– Как ты себя чувствуешь?

Этот вопрос ставит в безнадежный тупик. Я так долго училась подавлять чувства, тренировать мимику, что иногда и сама не знаю, что творится в глубине. Не припомню дня, когда кто-то так прямо и откровенно спрашивал бы обо мне.

Все эти годы люди интересовались моей учебой, карьерой, банковским счетом и теми, кто бывает в моей постели, но не мной. Не тем, что у меня внутри. С тех пор как умер Патрик, никто этого не делал.

– Ты тоже потеряла близкого человека, – ее голос, мягкий и успокаивающий, выводит из забытья.

– Я должна быть сильной ради Молли.

– Молли! – Она улыбается, и в этой улыбке я узнаю Джейн – она улыбалась так же – улыбкой, полной любви и принятия. – Так ты ее называешь? Мне нравится.

– Да, это ее имя. Ее отродясь никто Мэри не называл.

– Она была очень впечатлена подвигом Богородицы.

– Не думаю, что она хочет повторить ее судьбу.

– У нее была благородная жизнь.

– Где же счастье в этом благородстве?

– Я понимаю твое беспокойство, Флоренс. Оно совершенно справедливо. У меня тоже есть младшая сестра. Была. – Ее лицо сереет, с него сходят краски. – Когда она умерла, я пыталась держаться, быть сильной, но это было ошибкой.

– Почему?

– Чем дольше подавляешь боль, тем сильнее она становится. – То, как она это говорит, искренне и обреченно, – это не может быть ложью. *Никто не может так лгать.* – Мэри очень хорошая девочка. Она стала нам с Йенсом как дочь, и ее семья стала нашей, поэтому, Флоренс, и ты нам не безразлична.

– Вы меня не знаете.

– Это не важно. Молли хотела, чтобы ты вернулась, она молилась об этом – и ты вернулась. Это все, что имеет значение. Тебе нравится у нас?

– Не знаю.

– Понимаю. Мы можем показаться чужаками из-за оторванности от внешнего мира и приверженности старым устоям. Это непривычно, а порой дико для человека, который при обстоятельствах, подобных твоим, попадает в общину, но ты найдешь немало плюсов в нашем образе жизни, если познакомишься с ним лучше. Ты хочешь узнать нас лучше?

– Возможно.

Я вынуждена.

– Мы позволим тебе. Мы ничего не скрываем от новоприбывших и от тебя тоже не станем. Приходи к нам домой на ужин. Йенс будет рад тебе. Он был рад твоему возвращению.

Вы слеплены из того же теста и когда-нибудь вернетесь, чтобы присоединиться к нам.

– Мы хотим, чтобы ты знала, на что соглашаешься или от чего отказываешься. Йенс покажет тебе общину, ответит на любые вопросы. И тогда твое решение будет справедливым и взвешенным. Согласна?

– Кем вы были до того, как приехали сюда?

Она улыбается, вспоминая прошлое.

– Акушером-гинекологом.

– Вы познакомились с мужем в университете?

– Нет.

Я жду, что она продолжит, но рассказ не следует.

– Вам нравилась ваша работа?

– Да.

– Но вы отказались от нее ради того, чтобы жить здесь?

– Не совсем. Это был опыт, который Бог послал мне не просто так, поэтому теперь я помогаю женщинам в Корке.

– Принимаете роды?

– Да, но нечасто. К сожалению, община неумолимо стареет. С каждым годом остается все меньше женщин детородного возраста, но мы не отчаиваемся, потому что Бог пошлет нам новых сторонников, если посчитает нужным.

– Уверена, что так и будет.

Она хлопает себя по коленке и встает. Я тоже поднимаюсь.

– Пожалуйста, не рассказывай Мэри об этом разговоре.

– Я не могу ей лгать.

– Не лги. Скажи, что я приходила, чтобы пригласить тебя на ужин. И не забудь попробовать булочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.